

Вячеслав Жуков

**Остановись, мгновение,
ты ужасно**

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков
Остановись, мгновенье, ты ужасно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805955

Аннотация

«Сейчас все может быть. Вон и бабы без мужиков детей рожают. Только настораживает все это. Поехал на рыбалку. Обпился водки и утонул. Ну ладно бы сердце прихватило. А то утонул. Что так сильно был пьян, что даже в воде не очухался. Он ведь не с лодки рыбу ловил. Значит, и упал в воду возле берега. Неужели там так глубоко...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вячеслав Жуков

Остановись, мгновение, ты ужасно

Глава 1

Оперуполномоченный уголовного розыска капитан Грек со скучным видом сидел возле окна и таращился на стайку юрких воробьев. Пять минут назад Грек пожертвовал голубям горсть семечек, высыпав их на широкий карниз, но вдруг откуда-то налетели воробьи и наглым образом стали отбирать у них корм. Причем, голуби, по силе явно превосходящие своих пернатых собратьев, как видно старались не вступать в конфликт, что явно не понравилось Греку с его характером. И он, оставшись недовольным этим зрелищем, отвернулся.

– Ну и дураки, – проговорил он, отходя от окна.

Майор Федор Туманов сидел за столом, копаясь в папках с бумагами служебного пользования. Услышав сказанное Греком, не понял, к чему тот бухнул, спросил с наивностью простачка:

– Кто дураки?

Грек разочарованно махнул рукой.

– Да голуби. Раскрыли варезки, а воробьи у них семечки тянут, – проговорил Грек, захлопав глазами оттого, как майор на него посмотрел.

– Саня, хватит ерундой заниматься. Займись лучше делом. Ты черновик справки не видел, который я вчера для полковника Василькова готовил? Положил куда-то, теперь сам не найду. Возиться заново с ней неохота. Полковник велел, чтоб она сегодня же была у него на столе. А ты воробьев кормишь, – сделал Федор замечание, которое Грека не очень-то проняло.

Ничуть не смутившись под строгим взглядом майора Туманова, Грек, как ни в чем не бывало, сказал:

– Знаешь, Николаич, насчет ерунды ты не прав. Вот я, посмотрю на птичек, и внутреннее напряжение у меня как рукой снимает. А почему, спроси ты меня. А потому, что глаз радуется. Кто на рыбок любит глядеть, а я на птичек, – проговорил Грек, злорадствуя в душе, что его увлечение майору не нравится. Это было его мстью за отвергнутое недавнее предложение сбегать за пивком. Грек предложил, надеясь, что Туманов воспримет предложение с пониманием. Но как всегда, все хорошее, по мнению капитана Грека, было беспощадно загублено на корню. Более того, майор вообще запретил усатому капитану выходить из кабинета, сказав:

– Хватит того, что уже Ваняшин где-то шляется. Теперь и ты удрать хочешь.

Грек спорить не стал. Вздохнув тихонечко, подсел к окну, позавидовав лейтенанту Ваняшину. В отличие от Грека, тот не дышит кабинетной пылью.

– А справку твою я не видел, – несколько обиженно произнес Грек. С замеревшим сердцем он скосил глаза на урну, в которой лежал бумажный кулек с шелухой. Утром, войдя в кабинет, Грек схватил первый, попавшийся на глаза лист бумаги, на котором было что-то написано, скрутил из него кулек и стал плевать в него очистки от семечек. Только теперь он понял, что было написано на том листе. Это был черновик справки, которую старший группы майор Туманов подготовил для начальника отдела полковника Василькова. И Грек уже понял, что произошел казус, исправить который вряд ли удастся до тех пор, пока майор не выйдет из кабинета. Теперь Грек стал придумывать, под каким бы предлогом выпроводить Туманова в коридор. Даже был готов сбегать за пивом, чтобы напоить майора, а когда тот выйдет в туалет, Грек быстренько достанет из урны справочку, разглядит ее и вложит в одну

из валявшихся на столе папок, как будто она там и лежала. Да и суть не в том, разглажена ли справка. Все равно она – черновик. Важно другое: в ней собраны данные по раскрытию их группой всех преступлений за первое полугодие, с полным количеством потерпевших и обвиняемых. Иными словами, данные необходимые Василькову. Над этим черновиком справки майор Туманов сидел целый день. Грек бы так не сумел. Не хватило бы терпения.

Греку сделалось стыдно за свою оплошность и страшно. Если Туманов узнает, где покоится его черновичок, он Грека убьет. И взглянув на часы, Сан Саныч проговорил, все же не теряя надежды выдворить майора из кабинета:

– Ну что, Николаич, пойдем, пообедаем.

В душе Грек молился о том, чтобы Туманов согласился. Они выйдут в коридор, дойдут до лестницы, а потом Грек обязательно вернется под каким-нибудь предлогом в кабинет.

Но Туманов и это предложение встретил без энтузиазма. Посмотрев на свои часы, которые показывали начало двенадцатого, он произнес с нескрываемым недовольством:

– Ты, Саня, совсем что ли?.. Какой сейчас обед?

Грек вздохнул и отвернулся. Хоть бы Туманову позвонили из дежурки. Так ведь и будет сиднем сидеть за столом, словно его задница прилипла к стулу, а Греку ничего другого не остается, как ждать своей гибели.

Не зная, чем еще занять себя, Грек достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. Размяв сигарету, сунул ее в рот и закурил, мучительно соображая, каким же все-таки образом ему выставить майора вон. И когда уже мысли Сан Саныча Грека стали проясняться, приходя к логическому решению, дверь вдруг открылась, и в кабинет ввалился Леха Ваняшин. Вид у него был такой, будто все то время, пока Сан Саныч Грек просиживал в кабинете под строгим взором майора Туманова, лейтенант Ваняшин гонялся за кем-то. Вот и дышит лейтенант тяжело. И морда у него краснушая.

Войдя в кабинет, первым делом Ваняшин опустошил пару стаканов воды из графина, потом посмотрел на засидевшихся Туманова с Греком и спросил:

– Вы, чего сидите тут?..

Грек усмехнулся такому вопросу, слегка покосившись на майора. Он уж точно бы не сидел тут, если б не Туманов. И капитан сказал:

– А почему бы нам ни сидеть, Леша?

Ваняшин удивленно уставился на Грека.

– Так вы, не слышали что ли?..

– Чего? – озабоченно спросил Туманов, взглядываясь в выражение лица лейтенанта и понимая, что произошло нечто серьезное.

Грек, кажется, тоже подумал о том же, проговорил хмуро:

– Услышишь тут, когда тебя как арестанта из кабинета не выпускают. Это ты у нас вольный птенец, летаешь, где хочешь. А мы с Николаичем тут сидим. – Грек чуть было не ляпнул про то, что майор его заставляет искать черновик справки, но вовремя одумался, тем самым, снимая голову с плахи. А то ведь точняк майор ее отсечет. Своими семечками Грек и так уже достал Туманова. Вздумал бросить курить. Знающие люди посоветовали, как захочется покурить, грызть семечки. Грек решил попробовать. Только курить хочется так часто, что никаких семечек не хватит. А, кроме того, майор стал ругаться на него. Видишь ли, его раздражает, что Сан Саныч то и дело щелкает семечки. И сам Грек уже стал не верить в то, что таким способом удастся избавиться от пагубной привычки, потому что когда кончатся семечки, рука сама собой тянется к сигаретной пачке, вот как сейчас.

– Леша, ты чего сказать-то хотел? Говори, давай, – попыхивая сигареткой, предложил Грек. Ваняшин рухнул на соседний стул.

– Ну вы даете, господа сыщики, – удивился он. – В управлении об этом все уже знают, кроме вас.

– О чем знают? – рассердился Туманов на Ваняшина за то, что тот играет на их любопытстве. И Грек в этом солидарен с майором. Даже головой кивнул Сан Саныч в знак согласия, не упустив показать Ваняшину кулак.

– Эх, вы, – покачал головой Ваняшин. – Не слышали, что капитан Чикин погиб, – сказал Ваняшин, чем ошарашил и Туманова и Грека.

– Да иди ты на хер, – невольно вырвалось у Грека. – Правда, что ль?

– Тут хоть иди, хоть останься, – немного с обидой ответил на это Ваняшин. Грек тут же понял, что малость перегнул, заговорил извиняющимся тоном:

– Леш, ты не сердчай. Я это к тому, что уж слишком обалденную новость ты нам сообщил. Правда, Николаич? – спросил Грек у Туманова.

Они оба хорошо знали Чикина. Тот работал уже лет десять в управлении в отделе занимающимся пресечением поставки оружия и взрывчатых веществ в столицу. За десять лет имел немало поощрений от руководства управления и вдруг такое. Смерть капитана Чикина майору Туманову с Греком представлялась героической. Наверняка, капитан выехал на очередное задержание поставщика оружия для какой-нибудь криминальной группировки и погиб от бандитской пули.

Но лейтенант Ваняшин на это разочарованно произнес:

– Ничего подобного. Чикин утонул на рыбалке. На берегу стояла его машина. Удочка. Самого же капитана нашли в воде. Причем, как показало вскрытие, капитан был сильно пьяным.

– Заснул что ли с удочкой в руках. Я слышал от рыбаков, что такое бывает. Примет человек на грудь лишнего, сядет, заснет и бултых в воду. Может, и Чикин также. Расстроился, что клева нет, принял лишнего и оказался в воде, – как знающий человек, подытожил Грек. Он хотел развить эту тему дальше, но майор Туманов не дал.

– погоди ты, Грек. Какой клев? Какая рыбалка? Ты что Чикина первый день знаешь? Он никогда рыбалкой не увлекался. Окуня от плотвы отличить не умел.

Грек призадумался, приходя к заключению, что Туманов, вообще-то, прав. Но сдаваться так просто Сан Саныч не собирался. И хоть Федор по должности и званию выше его, но по годам, старше Сан Саныч, а стало быть, и мудрее. По крайней мере, сам Грек считал себя человеком мудрым с богатым жизненным опытом. И не худо бы Туманову это понять. А если не понимает, тогда Сан Саныч без всяких намеков не покусится на прямоту. И Грек решил не уступать.

– погоди, Николаич. Ты сам не раз говорил, что людям свойственно меняться. Так ведь?

Туманов посмотрел на Грека.

– Ты это к чему? – спросил он.

– А к тому. Раньше Чикин не любил рыбачить. Может, и время у него для этого не было. А сейчас, полюбил. Может такое быть? – уверенный в своей правоте спросил Грек. Туманов на это пожал плечами.

– Ну, наверное, может. Сейчас все может быть. Вон и бабы без мужиков детей рожают. Только меня настораживает все это. Поехал на рыбалку. Обпился водки и утонул. Ну ладно бы сердце прихватило. А то утонул. Что так сильно был пьян, что даже в воде не очухался. Он ведь не с лодки рыбу ловил. Значит, и упал в воду возле берега. Неужели там так глубоко. Кстати, где это произошло? – спросил Туманов у лейтенанта Ваняшина.

– Возле Серебряного бора. А точнее я сказать не могу. У Василькова надо узнать. Он выезжал туда вместе с оперативной группой, – сказал Ваняшин, напомнив Федору о «батяне». И тут майор опять вспомнил о черновике справки, которую готовил для полковника и потерял.

Грек съежился в предчувствии самого нехорошего, что должно с ним случиться сейчас, сию минуту. Да и память у майора не такая короткая, а стало быть, небрежность Грека ему же самому еще не раз аукнется. И стоило об этом Сан Санычу подумать, как Федор Туманов спросил у Ваняшина:

– Леша, ты не видел у меня тут на столе листок, черновик справки?

Сейчас Грек испытывал то же самое, что испытывает жертва в момент, когда над ее шеей возносится топор лихого палача, способного отсечь несчастному голову одним махом. И Сан Саныч тихонечко себе под нос пробурчал:

– Ох, пропала моя бедная головушка.

Палачу оставалось опустить руки вниз. И тогда все. А может быть и не все? Есть надежда на спасение, и она в руках у Ваняшина. А точнее у него на языке, что скажет лейтенант, что ответит. И взглянув в краснощекое лицо лейтенанта, Грек стал тому подмаргивать, подавать знаки, чтоб приятель Леха не подвел его, не выдал. Но как назло сам лейтенант этих подмаргиваний не заметил. Преданно уставившись на майора, он сказал:

– А ты, Николаич, в урну не заглядывал?

Греку показалось, что сердце у него остановилось.

– Гад, – тихонечко прошептал он на Ваняшина себе в утешение.

Лешка Ваняшин, стервец, заложил старшего товарища и глазом не моргнул. В военное время Сан Саныч бы повесил такого за предательство, а тут приходится терпеть.

Испустив протяжный стон, Грек откинул голову за спинку стула, чтобы не встречаться взглядом с майором, который уже, кажется, кое-что начал понимать, и взглянул на капитана как на ягненка глазами волка. Тут же майор не поленился наклониться и, схватив кулек, набитый шелухой семечек, запустил им Греку прямо в лоб.

– Ах, ты сволочь. Я обыскался, а ты сидишь и молчишь.

– Николаич, – жалобно произнес Грек, при этом, не забыв показать приятелю Лехе кулак. Ну кто этого гада тянул за язык. Мог бы сказать что-нибудь другое, тем самым спасти Грека от гнева майора. Но на то он и гад, чтобы подлянку делать. И сделал.

Встав из-за стола, Туманов посмотрел на разбросанную по кабинету шелуху семечек и сказал:

– Значит так, Грек. Всю эту дрянь, – указал он на шелуху, – ты сейчас, немедленно соберешь. Потом сядешь за стол и отпечатаешь мне справку. Понял?

– Николаич, может лучше Лешка? – попросил Грек. – Для него эту справку отпечатать, как два пальца...

Федор отрицательно помотал головой.

– Нет, это сделаешь ты. Будет тебе наука, как хватать бумаги с моего стола. И еще, – предупредил майор строго, пригрозив Греку как непослушному дитяти пальцем, – если я увижу у тебя семечки...

– Не увидишь, – клятвенно заверил Грек, приложив обе руки к груди. – Лучше я курить буду, как курил, чем семечки грызть. Мне это и самому уже надоело. Будем считать, метод не оправдал себя, – шутливо произнес Грек, покосившись на улыбающегося Ваняшина. Сидит летеха довольный, рот не закрывается, ушами водит. Эх, был бы Грек на месте Туманова, так бы он не посидел. Задница бы у него была липкой от пота.

Только напрасно майор так самоуверен, что Грек кинется печатать ему справку. Работенка эта слишком нудная для Сан Саныча. К тому же тут есть парень помоложе и пограмотней. Лейтенант Лешка Ваняшин. Для него сварганить эту справку, сущий пустяк. А заодно он и пол в кабинете подметет. Только майор выйдет, Грек сразу же подпряжет под это дело Ваняшина. Пусть тот посидит, головку поломает. Так решил про себя Сан Саныч Грек. Но решение его оказалось несбыточным.

– Приступай, Грек, – сказал Федор и шагнул к двери, по хрустящей под его каблуками шелухой. – Ваняшин, пошли со мной, не будем мешать Греку. Узнаем поподробнее про капитана Чикина. А ты, Грек, давай, наяривай тут. И чтоб без ошибок, – строго предупредил майор.

Едва за Тумановым и Ваняшиным закрылась дверь, как Грек достал из кармана пачку сигарет. Положив обе ноги на майорский стол, он с наслаждением закурил, вчитываясь в помятый черновик справки. Положение осложнялось тем, что черновик скорее напоминал план будущей справки. Скупые данные, отдельно в столбик какие-то цифры, вряд ли это устроит Василькова, если вот так просто взять и перепечатать. Тут надо сделать хорошую выборку. Ведь «батяне» нужен подробный отчет, и лучше самого Туманова его не сделать ни Греку, ни Ваняшину.

Грек вздохнул. Вот задал ему майор задачку. Сан Саныч в голове не держал никаких цифр по раскрываемости, а копаться в статистических данных ему страшно не хотелось. Слишком нудная работа.

На открывшуюся дверь кабинета, Грек не обратил внимания, посчитав, что это вернулись Туманов с Ваняшиным. Он даже подготовил для майора несколько обидных слов по поводу справки и, не стесняясь, был готов их высказать Туманову прямо в лицо. Не меняя позы, он чуть повернул голову и тут же от неожиданности, выронил изо рта сигарету.

В кабинет вошел полковник Васильков собственной персоной и то, как сидел Грек, «батяне» явно не понравилось. Глаза у полковника сделались красными как у разъяренного быка, и Васильков даже чуть наклонил голову, словно собрался боднуть черноусого Грека, отчего Сан Санычу сразу стало не по себе. Он съезжился, тихонько ойкнув. А начальник отдела, нависнув над Греком, как гора, которая вот-вот упадет, придавив несчастного, грозно спросил:

– Ты жопу себе еще не отсидел?

Грек улыбнулся, принимая вопрос «бятяни» за подкол, на которые и сам был мастак. Но сидеть и вот так улыбаться, значило в лице «бятяни» выставить себя полным идиотом. Улыбаться Грек перестал. И посчитав, что полковнику нужно немедленно ответить, сказал:

– Не отсидел. Это я так...

– Как так? – все также грозно спросил полковник.

Грек убрал ноги со стола и встал перед «бятней», вытянувшись во весь свой небольшой рост.

Васильков посмотрел на Грека как на врага народа.

– Сидишь, мать твою, ножки на стол положил, – язвительно произнес он.

Грек замер, боясь, лишний раз дыхнуть в присутствии строгого полковника. А Васильков чуть наклонившись над ним, заложив руки за спину, спросил:

– Где майор Туманов?

Сан Саныч Греков стал перебирать в голове возможные варианты ответов. Подвернулся самый краткий. И Грек сказал:

– Работает.

Васильков покачал головой, осуждая Грека.

– Вот видишь, старший группы работает, а ты сидишь тут, ножки на стол забросил. У нас тут не Америка. Это там может, полицейские сидят этак вот за столами. А у нас сиди как всякий нормальный милиционер. Зайдет какой-нибудь гражданский человек, а ты сидишь тут ножки развала, карманный бильярд гоняешь. Что он о таком опере подумает? Разве может быть у человека к такому оперу доверие? – Васильков уставился на Грека.

– Да не гонял я, товарищ полковник, никакой бильярд. Мне майор Туманов велел справку для вас подготовить. Ну вот я и позволил себе так сесть, чтоб лучше думалось, –

произнес Грек в свое оправдание. – Вот, – усатый капитан схватил со стола измятый лист, показал «батяне». Тот глянул, и лицо сделалось еще мрачнее и строже.

– Ты где эту бумажку подобрал, в туалете? – спросил Васильков.

Грек захлопал глазами.

– Почему в туалете?

– Да потому что уж очень она у тебя измята. Мне на стол такую гадость не клади. Понял? А сейчас давай, беги, разыщи быстренько Туманова. Пусть ко мне срочно в кабинет зайдет, – сказав так, высоченный полковник Васильков развернулся и направился к двери.

Грек уже сложил из пальцев сложную комбинацию в виде кукиша и хотел показать ее полковнику в спину, но Васильков вдруг обернулся.

– Следи за своими руками, Грек, – предупредил он.

Сан Саныч вздрогнул, спрятав руки за спину и соображая, как это полковник мог заметить то, что он собирался ему показать вослед.

И когда за Васильковым закрылась дверь, Грек облегченно вздохнул и, плюхнувшись на стул, на котором сидел до прихода Василькова, достал из кармана трубку мобильного. Бежать и разыскивать Туманова он не собирался. Да и зачем, когда можно поступить по другому. И Сан Саныч набрав номер сотового майора, стал терпеливо ждать, чтобы сообщить Туманову приятную новость о том, что «батяня» вызывает его к себе на ковер.

Глава 2

Грек уговорил Леху Ваняшина не дожидаться возвращения майора Туманова от полковника.

– Леш, наш с тобой рабочий день закончен. Имеем мы право на отдых, как нормальные люди? – спросил Грек. Причем, вопрос задал таким тоном, что Ваняшин даже не подумал ему возразить.

– Вообще-то, да, – сказал Ваняшин, не забыв все же напомнить про старшего группы, которого вызвал к себе «батяня». Похоже, беседа их затянулась, и майор уже битый час торчал в кабинете Василькова.

– Мы с тобой не знаем, какие там дела у нашего доблестного майора с «батьней». Но лично я сейчас знаю другое, – Грек улыбнулся и посмотрел на часы. – Время восьмой час и нам с тобой не худо бы пропустить по бутылочке пивка. Лично я, за. А ты? – спросил Грек, не оставляя Ваняшину компромисса.

И лейтенанту ничего не оставалось, как безоговорочно поддержать предложение Грека. И Ваняшин решил, согласится. К тому же, просто так Грек его все равно бы не отпустил.

– Давай, – махнул лейтенант рукой.

Грек прямо на глазах расцвел.

– Вот что мне в тебе нравится, Леха, так это то, что парень ты компанейский. Весь в меня. Я ведь тоже такой. Меня хоть ночью разбуди, так я всегда компанию поддержу. Не то, что наш майор, – сокрушенно произнес Грек, припомнив тут же, как отчистил его Туманов за черновик справки.

Но Ваняшин не позволил нападать Греку на майора.

– Знаешь, он, женатый человек. Между прочим, в отличие от тебя.

Грек, услышав такое, пренебрежительно хмыкнул.

– Я тоже, Леша, был женатый. Но знаешь, где я свою жену держал? Во, – Грек сжал пальцы в кулак и показал его Ваняшину. – Вот тут.

– Наверное, поэтому и разошлись? – спросил Ваняшин, уверенный, что излишняя строгость по отношению к женщине ни к чему хорошему не приводит. Но его замечание Греку не понравилось. Капитан нахмурился.

– Ну знаешь, милый мой, не тебе судить, как и из-за чего мы разошлись. Пойдем лучше. Время идет, а мы тут топчемся. Сейчас возьмем пивка, посидим в скверике, – размялся Грек, выпроваживая лейтенанта Ваняшина из майорского кабинета.

Они вышли на улицу. Ваняшин хотел пойти к метро, но Грек, схватив его за рукав, потянул к автобусной остановке.

– За мной, лейтенант, – уверенно проговорил Грек. – Пару остановок на автобусе и нас с тобой ждет настоящий пивной рай.

«Пивным раем» назывался пивбар, который посещали любители пива едва ли не со всей Москвы. Частенько туда заходил и оперуполномоченный уголовного розыска Сан Саныч Грек, совмещая приятное с необходимым. Приятным было то, что Грек безумно любил пиво и мог его выпить столько, что кому-то другому могло сделаться плохо. Но только не Греку. А необходимостью для Сан Саныча было получение разного рода информации, которая могла пригодиться в раскрытие преступлений. Иной подвыпивший клиент питейного заведения вдруг чувствовал необходимость излить душу незнакомому человеку. Частенько этим незнакомым человеком оказывался усатый капитан Грек.

Хозяином пивнушки был сорокалетний армянин, который заманивал клиентов в свое заведение тем, что время от времени устраивал акции бесплатного угощения пивом. И каж-

дый, кто попадал в эту акцию, получал из рук бармена двести граммовый стакан пенящейся жидкости. Но случалось такое не часто. Зато народ в «Пивной рай» валил валом.

На этот раз в пивбаре было не протолкнуться, и Грек, с Ваняшиным купив двух литровую пластиковую бутылку «Очаковского» вышли на улицу. Метрах в сорока от пивбара, на противоположной стороне улицы на небольшом гранитном возвышении стоял бюст Феликса Эдмундовича Дзержинского, взор печальных глаз которого был устремлен на пивное заведение. По обеим сторонам бюста находились две лавочки. Но никто из тех, кому не хватило места в пивбаре, на эти лавочки не садились. Строгий взор печальных глаз Дзержинского, выражал порицание, равнодушно снести которое они не могли.

– Айда туда, – кивнул Грек на маленький скверик, где замер в гранитном изваянии прародитель ВЧК.

Перейдя на другую сторону улицы, они сели на одну из лавочек. Грек положил пакет с пирожками. Двух литровую бутылку пива поставил себе на колено, слегка взболтнув ее.

– Люблю с пенкой, – признался Грек и тут же заметил, что у его молодого коллеги по работе с чего-то вдруг пропало настроение. Сидит он и блуждающим взглядом посматривает по сторонам, выбирая из толпы красивых женщин.

Сан Саныч даже улыбнулся по этому поводу.

– А все-таки, ты, Лешка, неисправимый бабник. Ну согласишься? Прав ведь я? Ты ж не одну юбку просто так не пропустишь. У-у, чертяка. Весь в меня, – проговорил Грек, взбалтывая бутылку с пивом. – Я ведь тоже таким был.

Ваняшин ничего ответить не успел. Грек увидел идущую по тротуару стройную женщину лет двадцати семи в короткой юбочке. На плече у нее висела сумка, которую она бережно загораживала рукой от столкновения со встречающими прохожими.

Женщина явно была не местной. Шла неторопливо, посматривая по сторонам. Судя по всему, она направлялась к станции метро, но вдруг почему-то остановилась, словно вспомнив о чем-то, оглянулась, минуту постояла в раздумье и развернувшись, пошла к «Пивному раю».

Грек, наблюдая за ней, облизнулся. Толкнув приятеля Леху локотком в бок, кивнув на противоположную сторону улицы, где шла женщина.

Словно заметив, что черноусый мужчина положил на нее глаз, женщина теперь шла медленно, давая возможность Греку вдоволь налюбоваться собой.

– Смотри, Леша, какая южаночка идет. Как она тебе? Хотел бы в кровать ее уложить? – словно женскую грудь, Грек сжал в руках бутылку с пивом. – Ух, я бы ее... – мечтательно проговорил он, облизнувшись.

Ваняшин нехотя глянул на приглянувшийся Греку объект вожделения.

– Ничего в ней особенного и нет, – вдруг сказал приятель Леха, чем оскорбил самолюбие Сан Саныча Грека, который не упустил заметить, что хоть Ваняшин и бабник, но не разбирается в женщинах, потому что настоящую женщину еще не встречал.

– Это ж не женщина, огонь. Посмотри, как по-восточному грациозно она вышагивает. Какая у нее походка. Такая знаешь, как будет подбрасывать в постели? С каким темпераментом. Эх, Леха. Молодой ты еще. Не опытный, – проговорив так, Сан Саныч заметил, что, подойдя к дверям пивного бара, возле которых толпились мужики, женщина остановилась, и как показалось Греку, закрыла глаза. Она сунула руку в свою сумку, достала оттуда небольшой круглый предмет, умещавшийся в ладони.

Возможно бы, Грек не придал этому значения, если б не провода.

Два тоненьких проводка потянулись из сумочки вслед за этим предметом, похожим на круглую батарейку наверху с кнопкой. И Грек даже успел заметить, что эти проводки были темно-синие.

Не открывая глаз, женщина сжала в руке этот предмет. Ее палец лег сверху на кнопку.

Грек уставился на южанку обезумевшими глазами, протянув:

– Э...э, – он вытянул левую руку вперед, указывая на женщину.

Леха Ваняшин в этот момент глазел в другую сторону. Не понял, что хотел выразить Грек этим своим жестом.

– Ты чего, Сан Саныч? Открывай бутылку-то, – предложил Ваняшин, заметив, что Грек зажмурился и втянул голову в плечи, сделавшись похожим на усатого лягушонка.

И в этот момент раздался оглушительный взрыв.

Лехе Ваняшину показалось, что небольшой пятачок, на котором стоял бюст Дзержинского и обе лавочки, высоко подпрыгнули вверх, а потом с некоторым опозданием вернулись на свои места.

В стоявших по обочинам проезжей части машинах, сработала сигнализация, огласив округу, пронзительным многоголосым воем. Кто-то кричал. Кто-то громко стонал. И среди этого всеобщего хаоса лейтенант Ваняшин слышал страшный вопль. Так вопить мог человек в полной мере испытавший на себе ужас случившегося.

– Ой, убили, убили!

Ваняшин посмотрел и увидел на тротуаре возле пивбара несколько трупов. Их лица были изуродованы до неузнаваемости. Причем, у самого вопившего грудь и живот были в крови, и было не понятно, то ли он кричал о себе, чувствуя, что умирает, то ли про кого-то из своих приятелей, изуродованных взрывом и неподвижно лежащих рядом на тротуаре.

Стекла в «Пивном рае» повывлетали от взрыва, и осколки зловещего взрывного устройства, проникнув в оконные проемы, видно и в стенах питейного заведения нашли свои цели, потому что из пивбара тоже слышались стоны и крики о помощи.

Только сейчас Ваняшин вдруг вспомнил о Греке. Посмотрел на приятеля.

Капитан Греков все также сидел, втянув голову в плечи, и не открывал глаз. На его колене стояла бутылка с пивом. Осколком пробило ее насквозь, и темно-желтая, пенящаяся мутная жидкость струйками выливалась из этих отверстий. Причем одна струйка лилась Сан Санычу точно в пах. И Леха Ваняшин испугался за приятеля.

– Грек, – закричал Ваняшин, схватив капитана за плечо и слегка встряхнув.

Грек открыл глаза, повел глазами вокруг.

– Леш, а я уже посчитал, что нам с тобой хана, – сокрушенно признался он. – Как херакнет, у меня аж уши заложило. Ну, думаю все, прощайте голуби, – он посмотрел на бутылку, из которой вытекали две струйки. – Во, и отрывать не надо. Ты с одной стороны можешь пить, я с другой, – проговорив так, Грек поднял бутылку, подставляя под струйку раскрытый рот.

Ваняшину показалось, что его приятель капитан от взрыва малость тронулся умом.

– Грек, ты что? Очнись. Погибли люди, – закричал Ваняшин. – Тебя что, контузило?

Грек швырнул бутылку на цветочную клумбу возле бюста.

– Меня контузило? Да если хочешь знать, я в армии сапером был. Так у меня над ухом грохотало...

– Кончай базар, Грек. Лучше вызывай «скорую», – Ваняшин поднялся на ноги. В голове все еще стоял неприятный звон, словно вслед за взрывом у пивного бара, в его голове тоже что-то шандарахнуло. Глянув на гранитный бюст, он заметил на нем несколько отметин, оставленных смертоносными осколками, один из которых пролетел совсем рядом с Греком, пробив пивную бутылку, стоящую у него на колене.

Нечего сказать, повезло Греку. Но не повезло тем людям, толпившимся возле пивбара.

– Мать честная! – услышал Ваняшин изумленный голос усатого капитана. Обернулся.

Брюки внизу живота у Грека были мокрыми.

– Теперь все подумают, что доблестный опер обоссался, – пошутил Ваняшин.

Впрочем, самому Греку как, оказалось, было плевать на то, что о нем подумают, и он сам об этом так и сказал:

– Кто меня тут знает.

Майор Туманов к месту взрыва приехал вместе с полковником Васильковым. Грек с Ваняшиным подошли доложить о том, что здесь произошло, но Васильков не стал выслушивать их доклада.

– Только идиот не поймет, чего тут случилось, – сказал полковник и, уставившись на Грека, мрачно заметил: – Не крутись тут в таком виде. Вон сколько народу. И журналисты с телекамерами. Покажут тебя на всю страну, а ты позируешь с мокрыми портками. Люди же неправильно поймут. Узнают, что ты офицер милиции, смеяться будут.

– Да я ничего такого, товарищ полковник. Это не то, что вы подумали. Я пиво разлил себе на брюки.

– Пиво? – Васильков нахмурился как, видно не очень-то веря Греку. Но тот скроил такую физиономию, что Василькову ничего не оставалось, как поверить капитану на слово.

– Так точно, пиво. Осколком как жახнет и прямо в бутылку. Ну и пролилось немного, – признался Грек.

– Немного, это примерно, с литр, – подсказал, рядом стоящий лейтенант Ваняшин. Грек показал ему кулак, чтоб не вмешивался.

– Ладно, – махнул рукой полковник и велел Греку пока все-таки посидеть в машине, не позировать в таком виде перед телекамерами. – Знаешь, офицер милиции с мокрыми штанами, смотрится как-то не очень.

– Да я и сам это знаю, – не стал возражать Грек против сказанного «батяней».

* * *

На другой день в управлении было проведено срочное совещание, с которого Федор Туманов вернулся мрачнее тучи.

Грек с Ваняшиным все то время, пока майора не было в кабинете, предавались вчерашним воспоминаниям. По признанию самого Грека, сначала, когда прогремел взрыв, он ничуть не испугался. Страх к нему пришел позднее, когда он увидел, что одним из осколков пробило пластиковую бутылку.

Масла в огонь подливал Ваняшин, припугивая Грека:

– Да, Сан Саныч, еще бы чуть в сторону и осколком тебе бы весь живот разворотило. Вряд ли бы тебя спасли. Слишком серьезная рана.

Грек без содрогания не мог слышать всего этого.

– Да заткнись ты, гад. Радость твоя преждевременная. Понял?

– Это почему же? – не уступал Греку лейтенант.

– Да потому, что Сан Саныч не из таких, кого можно вот так легко на тот свет отправить. Так что подожми свои губы, сосунок. Я еще повоюю.

Туманов вошел в кабинет. Увидев, что Грек сидит на его месте, молча подошел, взял усача за шиворот, приподняв со своего стула и заставив того пересесть на другой стул. Сел, достав из стола пачку сигарет, закурил, не проронив при этом ни единого слова.

Грек с Ваняшиным терпеливо ждали, когда майор заговорит. Терпение у Грека оказалось не резиновым.

– Ну и о чем на совещание говорили? – спросил он, пытаясь заглянуть Федору в глаза. Но майор как нарочно уставился своими глазами в стол, что очень не нравилось Греку.

Видя, что майор опять отмалчивается, Грек заговорил уже более настойчивей:

– Ты спишь что ли, Николаич? Тогда с добрым утречком, товарищ майор.

Федор посмотрел на Грека и тому сразу стало не до подколов.

– Саня, засунь свой юмор себе в штаны, – вздохнув, сказал Туманов.

Грек обернул замечание майора в шутку.

– Как скажите, товарищ майор. Только один вопрос, совать спереди или сзади. И там и там дырка.

Федор махнул рукой, чтобы капитан заткнулся. В несколько глубоких затяжек докурив сигарету, Туманов притушил окурок в консервной банке, служившей пепельницей и сказал с грустью:

– Вообще так, мушкетеры сыскного дела, по распоряжению начальника управления, нашей группе поручено вести расследование происшедшего взрыва возле пивного бара.

Грек присвистнул от услышанного. Вот обрадовал майор. Ничего не скажешь.

– Ни хрена себе, затычка. Только этого нам и не хватало. Обычно такими делами занимаются фэсбэшники. Наш генерал что, решил потягаться с ФСБ? Ну и дела. Николаич? – обратился Грек к майору Туманову с вопросом.

– А что я? – спросил в свою очередь Федор.

– Как это что? – возмущенно замахал руками Грек. – Надо было убедить начальство...

– Убеждал, – махнул рукой Федор.

– Доказать, что мы не ФСБ. У нас нет такой базы мощностей для расследования этого дела. Наша специализация – убийства, а не террористические акты со взрывами, – на повышенных эмоциях произнес Грек.

– Доказывал, – уступчиво проговорил Туманов.

– Значит, кому-то выгодно этот взрыв списать на криминальную разборку между группировками? Так что ли, Федор? – не унимался Грек.

Федор Туманов задумчиво пожал плечами.

– Возможно. Я знаю не больше твоего, – убедительно произнес майор Туманов. Все, о чем тут говорил Грек, ему самому было не по душе.

– Но ты должен был сказать Василькову... – требовательно заговорил Грек, но майор перебил его, спросив:

– Что сказать, Саня?

Молчавший до этого лейтенант Ваняшин, сказал Греку:

– Да ты сам уже вчера ему все сказал.

– Чего? – не понял Грек, заморгал на лейтенанта своими глазенками.

– Да то, что ты в армии подрывником служил. Специалист по взрывам. Вот и напросился, – усмехнулся Ваняшин. – Вот теперь и крутись, как хочешь.

Грек покрутил пальцем возле виска Лехи Ваняшина.

– Дурья ты башка. Не подрывником, а сапером. И то это первые полгода. А потом меня в другую часть перевели. Так что не мели зря, чего не знаешь.

– Погодите, – довольно резко произнес Туманов, прекратив пустые разговоры между своими подчиненными. – Хватит пустой болтовни. Будем работать по факту. А факт такой: произошел взрыв. Имеются жертвы. Ты, Грек, кажется, вчера говорил, будто видел женщину? Вот давай с нее и начнем. Говори? – потребовал майор.

Грек почесал затылок.

– Да вроде ничего в ней такого особенного и не было. Баба, как баба. Я еще этому жеребцу Ваняшину, говорю, посмотри. А он рукой махнул и отвернулся. Это ты, Лешка, между прочим, зря сделал. Вдвоем бы мы ее лучше рассмотрели, – предъявил Грек свои претензии лейтенанту Ваняшину.

Тот на это сокрушенно развел руками.

– Кто ж знал, что она жажнет. Дура. Себя подорвала, и люди погибли.

Грек скривился в ядовитой улыбке.

– А вот и надо старших слушать. Сказал я тебе, посмотри, значит, надо смотреть, – сделал Грек лейтенанту запоздалое замечание, с которым сам Ваняшин полностью согласился:

– Да надо было. Может, тогда бы мы и взрыв сумели предотвратить. – Прозвучало с надеждой. Но только не для капитана Грека.

Грек уставился на приятеля Леху. Что это он такое говорит?

– Как, это предотвратить? – тут же задал Грек вопрос, не понимая, каким бы образом они сумели предотвратить взрыв.

– Очень просто. Мы бы могли ее остановить для проверки документов. А дальше...

Что могло получиться дальше, Сан Саныч Грек себе отчетливо представил, припоминая то, с какой силой прогремел взрыв, и как над их с Ваняшиным головами засвистели осколки, повредив бюст Дзержинского. Машинально, как и тогда, Грек втянул голову в плечи и сказал:

– Не, Леш, не задержали бы.

– Погодите, – остановил их диалог Федор Туманов, – так мы уходим от главного, – сказал он и обратился конкретно к Греку: – Ты можешь подробно описать ее? Лицо, ну и все такое...

Грек на минуту задумался, потом разочарованно покачал головой.

– Насчет лица, затрудняюсь. Она шла в черных очках. Да и видел-то я ее сбоку. А вот все остальное могу. Одежду. Даже туфли. А сумочка на плече у нее была из черной кожи и тяжелая. Она все время ее поддерживала рукой. – Грек замолчал, и видя, что большего от капитана ждать не стоит, майор Туманов сказал со вздохом:

– Да. Информация скудная.

Ваняшин с укором глянул на усатого капитана.

– Задница у нее была вот такая, – лейтенант развел в стороны руки, показывая объем женских прелестей, которые привлекли внимание капитана Грека. – Вот Грек на нее и смотрел.

– А ты куда смотрел? По сторонам рот разевал? – обиделся Грек.

– Кто ж знал, что она со взрывчаткой, – ответил Ваняшин.

Федор Туманов призадумался. По-своему, они оба, Грек и Ваняшин были правы, потому что не имели ни малейшего понятия о том, кто эта женщина. Но теперь надо было от чего-то отталкиваться. Федор еще толком сам не знал, от чего. Ранее его группа ничем подобным не занималась, и было не понятно, с чего это начальник управления вдруг решил поручить им такое ответственное дело, которое, похоже, застопорилось в самом начале расследования. По крайней мере, судя по всему, сдвигов в расследовании, не предвидится. Даже описания Грека женщины террористки настолько скудные, что ничего не дают. А свидетельских показаний и вовсе, как говорится, кот наплакал. Но следствие не может стоять на месте. Так не должно быть.

– Послушай, Саня, – обратился Туманов к Греку. – Ты не обратил внимания, женщина эта из метро вышла, или, может, машина, какая ее подвезла? – спросил майор, заметив, как вдруг просветлело лицо усатого капитана.

Грек едва не подпрыгнул на стуле.

– Точно, машина. Красная «пятерка». Эта баба вылезла из этой машины и направилась к станции метро. Я еще обратил внимания, она шла, а потом вдруг остановилась. С чего бы это думаю. Потом только понял. Там возле входа в метро стояли два милиционера. Она испугалась, что ее остановят.

– Правильно, – присоединился Ваняшин к Греку. – Я тоже видел эту «пятерку». Правда, мельком, – признался лейтенант. – И когда прогремел взрыв, эта машина сразу не уехала. Она там была. Стояла вдалеке.

– Значит, красный «Жигуленок» пятой модели?

Оба, Грек и Ваняшин кивнули головами.

Это уже было кое-что, хотя и не слишком. Оба, конечно, ни Грек, ни Ваняшин, в этой суматохе не обратили внимания на номер машины.

– Когда мы потом проезжали мимо, я заметил, что у этой «пятерки» на левом заднем крыле имеется приличная царапина. Она покрашена красной краской, но если приглядеться, то ее можно заметить, – сказал Ваняшин.

– Прекрасно. Теперь лишь остается отыскать эту чертову машину с царапиной, – выслушав лейтенанта, проговорил Федор Туманов.

Ваняшин на это промолчал, а капитан Грек так горестно вздохнул, словно жить ему оставалось всего ничего.

* * *

«Волга» оперативников остановилась на обочине проезжей части, как раз напротив бывшего пивбара. Теперь «Пивной рай» представлял собой убогое зрелище. Стекла во всех окнах выбиты, и врывающийся в большие оконные проемы ветер, раздувал шторы как паруса. Наверное, хозяин заведения сразу же приступил бы к ремонту, но следователи прокуратуры и ФСБ запретили, сославшись на какую-то комиссию, которая должна ознакомиться с последствиями взрыва. Единственное, что разрешили сделать, так это срочно засыпать лужи крови на тротуаре перед входом в пивбар.

Когда прибудет эта злосчастная комиссия, хозяин «Пивного рая» не знал. И куда он только не звонил, ссылаясь на то, что бар терпит колоссальные убытки, требовал, упрашивал, но все оказалось тщетно. И расстроившись окончательно, лысоватый армянин, в конце концов, махнул на все рукой, и больше уже никуда не стал звонить, хотя от назойливых посетителей и после взрыва не было отбоя. Кто заглядывал сюда из любопытства, а кто не прочь и пивком побаловаться. Вот пошел бы товар, если б не эта комиссия. Армянин ее проклинал.

Туманова, Грека и Ваняшина хозяин «Пивного рая» принял за обычных завсегдатаев его заведения, только слишком уж наглых. Если все прочие не решаются зайти сюда, толкуются возле дверей, заглядывая внутрь, то эти трое прутся в наглянку. И армянин уже приготовил несколько подходящих для такого случая словечек, на которые не поскупился бы, но милицейская ксива, предъявленная Тумановым, подействовала на него. Про неприятные словечки пришлось забыть.

– Если вы не возражаете, мы тут посмотрим, – обвел Туманов рукой изрешеченные осколками стены бара. Несколько таких осколков были сразу же взяты экспертами, которые установили, что вместе с тротилowymi шашками террористкой были взорваны четыре ручные гранаты. Их осколки и навели здесь беспорядок.

Хозяин пивбара и не помышлял, что-либо возражать. Он только льстиво улыбнулся, отвесив легкий поклон, и кивком головы подозвал бармена с тремя бутылками пива.

– Уважаемым гостям от нашего заведения, – проговорил он.

Туманов хотел отказаться, но Грек опередил его.

– Давай, давай. Ох, какой ты молодец, – похвалил он армянина и забрал у него все три бутылки пива, рассовав их по карманам. Пока армянин жаловался Туманову о том, что здесь вчера произошло, Грек отошел к окну, представляя, что бы стало с ним и с Ваняшиным, найди они для себя здесь местечко за столом. По разумению Сан Саныча сама судьба проявила к ним благосклонность. А как еще объяснить то, что их даже не ранило. А войди они сюда в бар и неизвестно, что бы с ними стало. Вон, какие здоровенные окна. В такие не только осколки гранат, шарики да болты от взрывного устройства залетят, а и артиллеристские снаряды могут. Хорошо, что у этой придурочной бабехи таковых не было при себе.

Грек поежился, вспоминая вчерашний ужас, выглянул в окно и тут же позвал Ваняшина:

– Леш, поди сюда.

– Чего тебе? – спросил Ваняшин, рассматривая покалеченный осколками во время взрыва стерео проигрыватель с валявшимися рядом дисками. Городской шансон неплохо послушать под кружку пива.

– Поди сюда, тебя говорят, – повысил голос на лейтенанта Грек, раздражаясь его неповоротливости. Пока такой детина раскачается, глотку надорвешь, звать его.

– Ну чего тебе? – подошел Ваняшин к окну.

Грек кивком головы указал на стоящую вдоль обочины на противоположной стороне улицы вереницу машин.

– Видишь?

– Чего? Ну машины стоят и что дальше? За каким ты меня звал? – недовольно произнес Ваняшин. Грек рассердился на своего молодого приятеля. Иногда так охота ему по шее двинуть.

– Леш, и как только тебя в опера взяли, такого балбеса? Смотри туда, – он повернул голову Ваняшина в сторону и тот наконец-то увидел то, что ему пытался показать Грек, протянул удивленно:

– Епона мать. Это ж та самая машина. Красная «пятерка».

Грек кивнул головой и сказал:

– Надо Николаичу сказать. Иди, позови его сюда.

Едва посмотрев в окно, майор сразу вышел на улицу. Грек с Ваняшиным потопали за ним, на какое-то время, забыв про назойливого армянина, который не отходил от оперов ни на шаг, жалуясь о материальных издержках, которые он понес из-за взрыва.

– Слушай, отвали, а, – вежливо попросил его Грек, выходя на улицу.

Армянин хотел тоже выйти, но Грек резко обернувшись, проговорил угрожающе:

– Исчезни, если не хочешь на свою жопу неприятностей.

Как видно неприятностей хозяин пивбара не хотел, поэтому послушался Грека и остался внутри, в окно, наблюдая за операми.

– Точно та машина? Вы не ошибаетесь? – спросил Туманов.

Грек с Ваняшиным готовы были побожиться.

– Что ж мы уж совсем что ли? – малость осерчал Грек на недоверие майора.

– Та самая, Федор Николаич, – заверил Туманова Леха Ваняшин. – Вон царापинка на левом заднем крыле, видишь? – показал он.

– Да вижу, – голос майора прозвучал с неподдельным удивлением. А еще Грек в нем заподозрил нечто такое, о чем майор не договаривал, поэтому тут же спросил у Туманова:

– Что-то не так, Федор?

Вместо ответа на вопрос, Туманов вдруг спросил у Грека:

– Разве ты не знаешь, чья это машина?

Грек покрутил головой, и обманывать не стал:

– Не-ка, не знаю. А чья она?

Похоже, Ваняшин был недалеко от Грека. Стоял в молчании. И тогда Туманов сказал помощникам:

– Эта машина покойного капитана Чикина.

Сначала Грек захлопал своими глазенками, потом сказал недоверчиво:

– Да ладно?

Федор уверенно кивнул.

– Его номер.

– Но капитан Чикин мертв, – заметил на это лейтенант Ваняшин. Причем, голос его сквозил явным подозрением, на которое Туманов просто не мог не обратить внимания:

– Вот именно. И я думаю, нам бы не мешало узнать, кто в таком случае раскатывает на машине покойного капитана. За мной, – сказал Туманов и уже хотел направиться через проезжую часть к стоявшей машине, до которой было не более двадцати метров. Но тут как назло появился автобус, надежно отгородив оперов от красной «пятерки». Следом за ним проскочили два микроавтобуса «Газель». И когда они проехали, оперативники увидели, что красный «Жигуленок» уже сорвался с места и сворачивает в переулок.

– Надо догнать эту машину, – крикнул Туманов, бросившись к милицейской «Волге». – Леша, заводи, скорей.

Ваняшин вскочил на водительское сиденье, повернул ключ раз, другой, но машина не завелась. Грек нетерпеливо ерзал на заднем сиденье.

– Леша, давай, милый. Уйдет ведь, – закричал Туманов, испытывая желание выскочить из машины и бегом кинуться за уезжавшим «Жигуленком».

– А чего я дам, Николаич, если аккумулятор сдох. Задолбала меня эта колымага. То и дело барахлит. Васильков себе новую «Волжанку» забрал, а нам эту рухлядь подсунул. Как на ней ездить, когда она то и дело в ремонте.

Видя, что оперативники собираются отбыть в неизвестном направлении, из пивбара выскочил армянин и буквально повис на капоте «Волги».

– Господа, а как же мой вопрос? Ведь у меня такие убытки... – начал он, но Грек его сразу обрубил, высунувшись в окно, заорал:

– Уйди отсюда на хер, со своими убытками. Достал уже.

Армянин что-то проговорил на своем армянском языке, и обиженно поджав губы, отошел.

Грек достав из карманов пару бутылок пива, протянул одну Туманову, другую лейтенанту Ваняшину. Видя, что все попытки завести машину, безуспешны, он проворчал сердито:

– Ладно, перекури. Ты уже и так затрахал ее.

– Это она меня задолбала в доску, зараза, – огрызнулся Ваняшин, и в сердцах стукнул кулаком по панели приборов.

* * *

Ближе к концу дня Федор Туманов поехал по адресу, где жил капитан Чикин. Его жену он однажды видел на торжественном вечере в честь дня милиции. Сорокалетний капитан смотрелся не очень рядом с хорошенькой шатенкой лет двадцати пяти.

Увидев открывшую дверь женщину, Федор первым делом подумал о том, что с тех пор женщина почти не изменилась, хотя прошло уже около пяти лет. Она все также молода и хороша собой. Пестрый цветастый халатик, обхваченный на талии пояском, подчеркивал ее стройную фигуру. Взгляд карих глаз навеян легким соблазном. С такой женщиной хорошо посидеть в непринужденной обстановке на диване, а потом, вдоволь налюбовавшись ее фигурой, распахнуть халат и...

Впрочем, от дальнейших мыслей майор Туманов решил воздержаться. Достав из кармана служебное удостоверение, раскрыл его, давая возможность женщине как следует ознакомиться с написанным в нем.

Прочитав внимательно фамилию майора, и где он работает, женщина сразу сделалась приветливой, и улыбнувшись, сказала:

– То-то я смотрю, лицо ваше мне знакомо. Входите, пожалуйста, – пригласила она Федора.

Туманов вошел. Осмотрелся.

Квартира, в которой жил капитан Чикин со своей молодой женой была четырех комнатной. В трех остальных комнатах Федору побывать не пришлось. Супруга капитана любезно пригласила его в комнату, как видно отведенную под гостиную.

Наверное, она хотела шокировать его, потому что комната была обставлена дорогой мебелью, причем, с явным вкусом, который только может быть у хорошей хозяйки, заботящейся о домашнем уюте.

Возможно, супруга капитана Чикина таковой и была. Но Туманова сейчас в большей степени интересовала машина, принадлежащая капитану. Хотя тут же майор не упустил подумать и о том, что вряд ли на зарплату пусть и старшего оперуполномоченного такой роскошью не обзаведешься. Стало быть, у капитана Чикина были еще доходы, о которых он предпочитал не распространяться.

– Алла Николавна, я хочу извиниться перед вами. Я понимаю, как вам сейчас нелегко. Но у нас возникли некоторые вопросы, которые необходимо прояснить, – начал Федор, но женщина махнула рукой.

– Перестаньте, не извиняйтесь. Я уже свыклась с мыслью, что его больше нет. Но ведь от этого жизнь не стоит на месте, если кто-то умирает, правда?

Туманов согласно кивнул. И сам не раз думал об этом же.

– Спрашивайте, что вас интересует? – предложила женщина. – Я отвечу.

– Машина? У вашего мужа была красная «пятерка» с номером, – Федор назвал номерной знак красного «Жигуленка», на который пали подозрения оперативников.

– Ах, вон что, – в голосе женщины послышалось легкое разочарование. – Это старая машина покойного мужа. Он на ней проездил лет пять, а потом продал одному моему знакомому. Оформлять куплю продажу не стали. Обошлись доверенностью. А что случилось с этой машиной?

Не обращая внимания на вопрос женщины, Федор спросил:

– Вы фамилию и имя нового владельца машины мне назовете?

Женщина подозрительно посмотрела на Туманова.

– Конечно же, назову. Артур Пшеянец. Да скажите же ради Бога, что случилось? Вы так меня интригуете, – умоляюще взглянула женщина на майора Туманова, выражая крайнее беспокойство. Вот только было не понятно, по поводу чего оно, или кого. Федор дал себе слово, в дальнейшем выяснить это, а пока попросил адрес Пшеянца.

Колебаться с ответом Алла Чикина не стала. И вообще, вела себя так, словно хотела во всем угодить коллеге своего бывшего мужа.

От Туманова это не ускользнуло. Он знал этот тип женщин, которые, как говорится мягко стелют, да жестко спят. Похоже, Алла Чикина была из той же породы хитрых и во многом коварных особ. Такие своего не упустят. Возможно, она и за Чикина вышла по расчету. Вот так глядя в ее смазливую мордашку, не верилось, что она слишком сильно переживает кончину супруга. А может, и не переживает вовсе. Такая не пропадет без мужа.

Записав адрес Пшеянца себе в блокнотик, Туманов откланялся.

Стоило майору выйти за дверь, как Алла забежала в комнату, где только что они с майором сидели. Слегка поморщилась, припоминая, о чем была беседа. Да и вряд ли это можно было назвать беседой. Скорее, допрос. Майор ей выставил целый ряд вопросов, сам же не ответил ни на один из ее.

Схватив телефон, она быстро набрала номер и поднесла трубку к уху.

Длинные гудки на том конце провода, раздражали ее. Зная, что все сказанное ею, пишется на автоответчик, она не выдержала, закричала в трубку:

– Идиот, я знаю, что ты дома. Сними трубку. – Подождала, потом со злостью бросила трубку на аппарат и подошла к окну. Осторожно выглянула из-за шторы.

Майор Туманов усаживался в машину. В руке он держал трубку сотового телефона. Видно уже успел куда-то позвонить. Алла одернула штору и отошла от окна. Сев в мягкое удобное кресло, закурила, задумчиво глядя на висевший, на стене портрет мужа.

Глава 3

– Ну, Николаич, как впечатления? – спросил Грек, как только Туманов уселся на сиденье рядом с Ваняшиным. За то время, пока майор беседовал с Аллой Чикиной, Грек успел придремнуть и теперь усердно тер сонные глаза.

– Небось, чаек, кофеек, то да се, – хихикнул усач.

При этом сам майор оставался, предельно серьезен. На подкольник Грека ничего не ответил, только посмотрел, да так, что усатому капитану больше не захотелось распускать язык.

Захлопнув дверь, Федор сказал заскучавшему Ваняшину:

– Поехали, Леша. Сейчас мы узнаем, кто раскатывает на машине капитана Чикина, – и майор назвал адрес.

На этот раз «Волга» завелась на удивление быстро. Стоило Ваняшину повернуть ключ в замке зажигания раз, другой, и мотор взревел, выбросив из выхлопной трубы тугую струю синеватого дыма.

А минут через сорок, черная «Волга» оперативников въехала в тихий двор на улице Щетинина и остановилась перед пятиэтажным домом.

Грек первым выскочил из машины, затопал на месте, разминая ноги, попутно оглядывая двор, который ему явно не понравился. На вопрос Ваняшина, почему, Грек ответил:

– Смотри, какая вокруг тишь да гладь. Самый рассадник для братков, потому что участкового сюда палкой не загонишь.

Ваняшин на это хмыкнул, но спорить с Греком не стал, пошел догонять майора Туманова, который уже подходил к подъезду. Догнал своего старшего уже на ступеньках второго этажа. Следом топал Грек.

– Нам какой этаж нужен, Николаич? – спросил Грек, сопя.

– Третий.

Греку это особой радости не принесло.

– Лучше бы, первый, – недовольно пробурчал он.

Дверь квартиры, в которой жил Пшеянец, оказалась металлической. Туманов довольно долго звонил, потом еще стучал, но дверь им так никто и не открыл. Опера уже хотели уйти, как тут открылась дверь соседской квартиры и на лестничную площадку высунулась маленькая головка древней старушечки в очках.

Любознательность соседки оказалась как нельзя кстати.

– Извините, – попридержал дверь майор, не давая бабуле ее закрыть. – Мы к соседу вашему пришли. К Пшеянцу. Вы его не видели.

Не смотря на свой древний возраст, старушка оказалась отнюдь не робкой. Придирчиво осмотрев Туманова с головы до ног, она спросила с подозрительностью:

– А ты кто такой будешь?

Туманову пришлось достать свое удостоверение, изучив которое, старуха кивнула на стоящих в сторонке Грека с Ваняшиным.

– А цыган с этим длинным, с тобой что ли?

Грек обиделся за то, что его называли цыганом. Отвернулся, чтоб не видеть старушечку, буркнул тихонько:

– У, старая карга.

Ваняшин сказанное старухой пропустил мимо ушей.

– Со мной. Это наши сотрудники, – ответил Туманов подозрительной старухе, полностью удовлетворив ее любопытство.

Пошамкав губами, как будто во рту у нее была жевачка, старушечка смягчилась.

– Тогда ладно. А то тут ходят всякие. Нассут возле батареи, а уборщицы у нас нету. Сами убираем. У меня для таких гостей веник в прихожей стоит. Как хрястну им по спине, – старуха явно приукрашивала свои возможности. По мнению Грека такую поборницу чистоты легко перешибить соплей, о чем он не упустил тут же шепнуть на ушко Ваняшину. Лешка даже захохотал.

Пришлось Туманову незаметно от старухи, погрозить своим озорникам пальцем.

– Нам хотелось бы узнать про вашего соседа? – кивнул Туманов на соседскую дверь, в которую несколькими минутами раньше так упорно пытался позвониться.

Старушенция боязливо глянула на дверь квартиры, в которой проживал Пшеянец и вытянувшись на цыпочки, поближе к уху майора, доверительно зашептала:

– Видела я его, два дня назад. С ним двое черножопых пришли. Один-то маленький такой, горбоносый с усиками. А второй, высокий и тощий как кобель. Все морду свою от меня прятал. Я как раз пол на лестничной площадке подметала. Гляжу, они поднимаются по лестнице и напрямик к Артурке. Долго у него были. Артурка чего-то кричал на них. А потом, слышу – тишина. Я ухо к розетке приложила, все-таки живем-то через стенку. Слышно хорошо. Вроде, возня какая-то. А потом, гляжу, эти выходят уже без Артурки.

– Вы их в розетку видели? – съехидничал над старухой Грек, в отместку за то, что она его назвала цыганом.

Но старуха сказанное капитаном восприняла вполне серьезно. Уставилась на него, как на сумасшедшего и даже легонько кулачком постучала себя по лбу.

– Ну ты и тупой, – сказала она, и улыбка с усатой физиономии Грека сразу исчезла. – Как же ты в розетку увидишь? А дверной глазок зачем? В него я глядела, понял?

Федор тихонько прищелкнул на Грека, чтобы тот не заводил старуху, и спросил:

– Значит, насколько я вас понял, они ушли, а Пшеянец остался в квартире и больше из нее не выходил? Так?

Старуха недоверчиво покосилась на Грека, но от своего не отступилась.

– Не выходил. Я всегда дома и не слышала, чтобы у него хлопала дверь.

Федор посмотрел на Грека с Ваняшиным, давая понять, что их может ожидать за этой дверью, в которую еще надо было войти.

– Может спасателей вызвать? – предложил Грек. – Они эту дверь вскроют, как консервную банку. – Он стал предлагать и другие варианты, как попасть в квартиру, но все они, по мнению Федора, были не эффективными. Наиболее приемлемый предложил Леха Ваняшин:

– Николаич, давай я поднимусь на этаж выше и от соседей с балкона спущусь на балкон к этому Пшеянцу? Так быстрее будет, чем ждать этих спасателей. Они все равно быстро не придут.

Туманов подумал и согласился. Зато Грек был категорически против:

– А если ты оттуда пиз... – начал он и вдруг осекся, покосившись на старуху. Своими прозрачными, влажными глазами она внимательно смотрела на усатого капитана, слушая, о чем он говорит.

– Кто живет над Пшеянцем? – спросил Федор у старухи.

– Евсютины живут. Они как раз дома. Я видела, как они поднимались по лестнице, – ответила старушенция, пожевывая губами.

Похоже, от ее глаз не ускользало ничто и никто. Кроме того, что она подсматривала и подслушивала за своим соседом, она еще находила время постоять возле двери и поглазеть в дверной глазок на проходящих по лестнице. Так или иначе, но это сейчас оказалось даже очень кстати.

– Евсютины, говорите, дома? – переспросил Туманов.

Старуха кивнула.

– Значит так, Леша, – сказал майор Ваняшину. – Давай, наверх, позвони, попроси разрешения спуститься на балкон к Пшеяңцу.

Ваняшин кивнул и рванул наверх. А Федор обернулся к Греку.

– А ты, Саня, давай вниз. Глянь там, под балконами.

– Если Лешка долбанется, чтоб собрать его по частям? – ухмыльнулся капитан, на что майор Туманов строго заметил:

– Ты, Грек, свои шуточки оставь. Тут дело серьезное. Думаю, в квартире нас ожидает труп.

Услыхав такое, старуха перекрестилась.

– Господи Исуси...

Грек уже сел на своего любимого конька, проговорил весело:

– Вот так, бабка. Мы по мелочевке не работаем. – После чего, торопливо пошел по лестнице вниз.

Туманов прислушался. Услышал наверху голоса. Говорил в основном лейтенант Ваняшин. Потом хлопнула дверь. Жильцы верхнего этажа впустили лейтенанта к себе в квартиру.

Не прошло и пяти минут, как Федор услышал звук, по которому нетрудно было догадаться, что стекло в балконной двери в квартире Пшеяңца разлетелось вдребезги. Потом шаги, и дверь, перед которой стоял Туманов, открылась.

Федор увидел улыбающуюся физиономию лейтенанта.

– Прошу вас, сэр, – проговорил Ваняшин с легким поклоном.

Майор вздохнул. Что и говорить, Грек сполна передал молодому сотруднику все свои манеры, хоть садись и диссертацию пиши о воспитании. Но пока еще до этого дело не дошло, майор попросил:

– Леш, прекрати паясничать.

– Понял, – тут же отреагировал Ваняшин, сразу сделавшись серьезным. Отошел в сторону, давая возможность Туманову пройти.

Все вышло так, как ожидал Федор. Пройдя по коридору, он очутился в довольно просторной комнате, где на полу ковер был, свернут в рулон. С одной стороны из этого рулона торчали ноги. Снизу ковер был подмочен кровью.

– Вот такие дела, лейтенант, – сказал Федор Ваняшину, давая этим понять, что шуткам тут нет места.

Ваняшин, как видно это и сам понял, промолчал.

Запахавшись и боясь пропустить главное событие, Грек буквально влетел в квартиру, отпихнув в коридоре старуху в сторону.

– Ну чего тут у вас? – задал он традиционный в таких случаях вопрос.

– У нас тут труп, – ответил ему Ваняшин, привыкший, как и сам Грек не расстраиваться по поводу происходящего. Врачи привыкают к болезням своих пациентов. Опера привыкают к другому. Нюни при такой работе распускать нельзя. И шутливый настрой лейтенанта Ваняшина, был ничто иное, как самозащита, чтоб не зачерствела душа при виде жертв кровавых преступлений.

– Да, – протянул Грек и тут же спросил у Туманова: – Николаич, ну чего делать будем? – глянул он на ковровый рулон. Особенно его внимание привлекли торчавшие ноги убитого.

– Для начала не мешало бы раскатать ковер и глянуть на того, кто в нем, – сказал Туманов.

Леха Ваняшин покатиł по полу рулон, раскатывая его. Грек достал трубку сотового, чтобы сообщить в дежурную часть управления.

В коридоре охнула старуха, когда Ваняшин развернул край ковра, густо перепачканный кровью, и опера увидели лежащего человека с перерезанным горлом.

– Ну и ну, – проговорил майор Туманов, несколько озадачившись происшедшим. Тут было над чем поломать голову. Но пока тут надо было хорошенько поработать криминалистам, и Федор сказал Греку:

– Саня, позвони, пусть Семин со своими гвардейцами приедет.

Грек понимающе кивнул и набрал номер дежурной части управления уголовного розыска.

Оперативная группа приехала минут через пятьдесят. За это время опера успели обойти весь подъезд и опросить жильцов. Когда наконец главный криминалист Семин появился на пороге квартиры, недовольные оперативники набросились на него. Больше всех сокрушался по поводу задержки группы капитан Грек.

– Спите, что ль там? – недовольство из него так и перло. Грек свирепо уставился на Семина, словно не замечая двух его молодых помощников.

Обычно спокойный Семин на этот раз выглядел раздраженным не меньше самого Грека.

– Ага, поспишь тут с вами. У вас что ни день, то труп, а то и два.

– Тогда чего ж так долго ехали? – Грек это произнес с таким накалом, что казалось еще немного, и он куснет Семина за руку, которой тот отчаянно жестикулировал перед лицом усатого капитана.

– А у меня не вертолет, чтоб через крыши летать, – проговорил Семин, и больше не желая тратить на Грека времени, прошел в комнату.

Дежурный следователь прокуратуры был более сдержан.

– Напрасно вы, капитан Греков, так на нас наезжаете, – добродушно заметил он. – В том, что мы так долго добирались, нет нашей вины. Уверю вас.

Но Грек остался при своем мнении.

– Ага. На вас наедешь, – буркнул Сан Саныч и отошел, чтобы не обострять отношений с прокурорским следком.

Не обращая внимания на довольно нелестное высказывание усатого капитана, следователь сказал Туманову, угадав в нем старшего:

– Вечер. Машин на улице полно. Кругом пробки да такие, что не объедешь. Наш водитель и так несколько раз нарушал, выезжая на тротуар. Иначе было не пробиться. Приехали бы к вам часов в двенадцать ночи. Не раньше, – проговорил он, доставая из папки бланк протокола осмотра места происшествия. Особенно голову ломать и выискивать разные заказы молодой следок не стал, взял из рук Туманова точно такой же протокол, только уже заполненный майором и стал сдирать с него все данные.

Федор не возражал. И не потому, что относился к прокурорским работникам благосклонно, а скорее от усталости. День сегодняшний оказался слишком суетным и богатым на события. Туманов уже знал, что домой опять вернется за полночь, когда любимая женушка будет крепко спать, и единственное, что он сможет себе позволить, это нежный поцелуй в щеку.

Вспомнив о Даше, Федор невольно улыбнулся. Должен же кто-то охранять ее покой. Ну разве лучше его кто-нибудь сделает это? Жаль, что сама Даша не хочет этого понять.

Заметив, что майор улыбается, следователь подозрительно глянул на него и придвинувшись чуть ближе, потянул носом. Не пьяный ли майор?

Грек с Ваняшиным проводили в комнате досмотр личных вещей убитого. Хотя по большому счету, особенно осматривать тут было и нечего. Судя по той обстановке в комнате, Пшеянец жил не кучеряво. Стол, гардероб, диван, шкаф для посуды и четыре стула. Вот и вся обстановка. Даже телевизора не было в комнате. Это Туманова навело на мысль, что хозяин квартиры предпочитал свой досуг проводить несколько отлично от пустого просиживания перед экраном.

На стене было много фотографий обнаженных девиц, а стоящий возле нее диван был продавлен так, словно на нем одновременно выбивала чечетку дюжина толстяков.

Федор не сомневался, что все красотки, чей образ увековечен на стене, прошли через этот диван. А что еще оставалось делать холостому мужчине в самом рассвете сил. Об этом же операм поведали и соседи, называя Пшеянца закоренелым бабником.

Возможно, именно с этим можно было бы связать жуткую смерть холостяка, воспринимая ее как месть за опороченную честь очередной красотки, если бы не заключение Семина, который, внимательно осмотрев труп, заявил:

– Видите этот разрез на горле, – сказал он Туманову со следаком, указав на перерезанную шею Пшеянца.

Грек втиснул свою усатую морду между майором и следователем, чтобы тоже поглядеть, в чем там суть.

– Довольно специфический разрез, – проговорил главный криминалист, не договаривая, в чем именно его специфика.

Греку захотелось побольше конкретики и он сказал бесцеремонно:

– Сема, ты говори точнее.

Такое обращение криминалисту не понравилось. Он сердито посмотрел на усатого капитана и довольно резко произнес:

– Ты видел, как баранов режут? – спросил он у Грека.

Грек помотал головой.

– Только как режут колбасу, – ответил капитан.

– А, отсталый ты, Грек, человек, – махнул Семин на Грека рукой, понимая, что говорить ему с ним не о чем и сказал Туманову со следователем: – Так обычно режут баранов. Горло не перерезают до конца, а только артерию, чтобы сошла кровь. Похоже, с убитым поступили точно также.

– Любопытный случай, – протянул на это следователь, сунув колпачок авторучки в рот. Туманов стоял призадумавшись.

Лично, по мнению Сан Саныча Грека, ничего в этом любопытного не было. Подумаешь, чикнули ножом по горлу. Может, убийца торопился. Об этом он и не замедлил сказать майору.

Но криминалист Семин, словно он тут был самый деловой в группе, возразил Греку:

– Я так не думаю. Скорее всего, тот, кто махнул ножом, знал, что шансов у жертвы никаких не остается.

– Да, пожалуй, вы правы, – согласился с Семиным прокурорский следователь, закивав головой. Доводы Грека в расчет им не были приняты.

Майор Туманов на сказанное Семиным и следователем прокуратуры, тактично отмолчался, что особенно понравилось Греку. Он посчитал, что Федор на его стороне, потому что опер опера всегда поймет.

– Вы установили, кем убитый работал? Чем он занимался? – спросил следователь у Федора Туманова, внимательно рассматривая усталое лицо майора.

Федор отрицательно помотал головой.

– Официально Пшеянец нигде не работал.

Губы следователя скривились в презрительной усмешке.

– Безработный, значит, – он окинул взглядом скудно обставленную комнату.

Федор пожал плечами.

– Получается, так.

Но следователь, не смотря на свою молодость, оказался довольно назойливым. Проговорил все с той презрительной усмешкой:

– Но как-то ведь он жил. Пусть и не в большом достатке, но все же. Что-то ел, пил. Да и девочкам платил. Не думаю, чтобы они задаром стали посещать его убогое жилище. Как-то уж все скромно здесь. Послушайте, майор, а может, у него где-то есть другая квартира? А эта так, для свиданий?

Федор почувствовал, что следователь его начинает раздражать. Неужели он считает себя гением сысского дела? Если это так, то не сидел бы в кабинете, а шел в опера и побегал бы с их.

– Все, может быть, – сказал Туманов. Но его ответ, как видно не понравился прокурорскому следователю. Ему хотелось от оперов конкретных действий, чтобы они не стояли тут истуканами, а бегали, работали. И он сказал Туманову, что, впрочем, касалось и Грека с Ваняшиным:

– Ну так выясните это. Чего зря время терять? Тем более, это важно.

Федор посмотрел в веснушчатое лицо салажонка. На его курносый нос. Почему-то подумалось, что еще совсем недавно этот парняга пас коров на просторах рязанских полей и даже может, топал по есенинским местам, а после окончания юридического института, перебрался в хлебосольную столицу, устроившись в прокуратуру, и теперь изображал из себя гения.

– Что прямо сейчас? – вмешался Грек.

Следователь как будто удивился вопросу.

– Ну, конечно. А чего оттягивать, – сказал он и уставился на Туманова, как на старшего оперативной группы. Но майор даже не двинулся с места, и это очень не понравилось салажонку с папочкой в руке. Он спросил сухо:

– Туманов, вы давно на оперативной работе?

На Федора взглянули не только Грек с Ваняшиным, но даже Семин, в ожидании ответа. Все не сомневались, что своим вопросом этот малоопытный следачок задевает лучшего сыщика за живое. И кто знает, скольких сил и воли потребовалось старшему оперуполномоченному уголовного розыска Федору Туманову, чтобы сдержаться от грубости. Более того, Федор сумел улыбнуться и сказал почти весело:

– Я в этом деле совсем еще новичок.

Следачок хмыкнул.

– Я так и подумал. Ведете вы себя пассивно. Как-то неуверенно. Решительности вам не хватает. Опер должен быть зубастым. Напористым.

– Как акула, – шутливо вставил Ваняшин.

Следачок подкола не углядел в сказанном. Ему даже понравилось то, что подсказал молодой лейтенант.

– Правильно, – указал он пальцем на Ваняшина и добавил тут же: – Вот из вас, молодой человек, получится хороший оперативник. А вы... – он обернулся, хотел сделать очередной упрек майору, и не увидел его.

Ваняшин вышел из комнаты следом за Тумановым и Греком.

Главный криминалист Семин закончив с осмотром трупа, спросил у следователя:

– Вы сами-то, в прокуратуре давно работаете?

Следователь углядел в его вопросе скрытую каверзу, проговорил важно:

– Это к делу не относится. Ну недавно. А что?

Криминалист укоризненно покачал головой.

– Оно и видно. Нагородили вы здесь всего в три короба. Туманов работает оперативником почти пятнадцать лет. Один из лучших сыщиков. А вы тут начали...

Следователь удивился тому, что сказал Семин про майора.

– Да. А вот так посмотришь на него и не скажешь, – сокрушенно произнес он, поймав на себе укоризненный взгляд криминалиста.

– Я же вам сказал, потому что он лучший. Знает, с кем и как себя повести. Умеет маскироваться. И ребята его дай боже.

До молодого следователя наконец-то дошло, что он хватил лишнего, и потому он в оправдание всего того, что наговорил майору, сказал:

– Но я же не хотел его обидеть. Хотел, как лучше.

Семин одобрительно кивнул.

– Я понимаю, – сказал он и добавил: – Но и Туманов знает, что делает.

Глава 4

Федор вышел из подъезда и с наслаждением вдохнул посвежевший вечерний воздух. Город постепенно засыпал. В домах гасли огни.

Туманов посмотрел на стоящих рядом приунывших Грека с Ваняшиным.

– Ну чего, может, по сто грамм для поднятия морального духа? – предложил Федор, чувствуя, что и у самого настроение не на высоте.

Грек хоть и не сразу, но согласился. А Ваняшин спросил:

– Николаич, ты что, расстроился из-за этого придурка? Не стоит, – тоном утешителя произнес лейтенант.

– Да не то, чтобы расстроился. А вообще, ну его, куда подальше. Ну так что, берем, одну на троих? – заметив нерешительность усатого капитана, Федор спросил у него: – Ты против, что ли?

– Я не против. Только вам хорошо. Вы раз и уехали, а мне вон куда пилить, – махнул Грек рукой в сторону метро. – Пока сто грамм пропустишь, и метро закроется. Как тогда до дома добираться?

– Да ладно тебе, Сан Саныч, Лешка подвезет тебя. Правда, Лешка? – сказал Туманов, зная об отзывчивости лейтенанта.

Ваняшин кивнул.

– Конечно, подвезу. И вообще, капитан Грек, рано вам в пердуны себя записывать. Сдается мне, вы еще вовсю на молоденьких женщин заглядываетесь? – проговорив так, Ваняшин улыбнулся.

Грек потрепал приятеля Леху рукой по жестким волосам.

– Лешка, стервец. Нравишься ты мне. Ты прямо такой же, как я. Не знаю твоего папаню, но меня одолевают сомнения. Не встречался ли я когда-то с твоей мамкой. Похож ты на меня.

– Особенно лицом и ростом, – подметил Туманов, смеясь, подмигнув Ваняшину. Вот кто уж действительно умеет поднять настроение, так это Сан Саныч Грек. Подумав об этом, Федор тут же забыл о молодом следователе. А Грек, по-приятельски оценив насмешку майора, произнес:

– Нет, конечно, лицом и ростом наш Леша в кого-то другого. Но характер у него мой. И настырный он такой же, как я. – Грек засмеялся, хотя в глазах его была грусть. Никто и не подумал, отчего она. И только сам капитан знал ее причину, которая крылась в его одиночестве.

К сорока годам он так и не обзавелся семьей. Никому не говорил, но именно от этого комплекса неполноценности и страдал капитан Грек. Не везло ему на женщин. И потому он не спешил в свою холостяцкую квартиру.

Когда первая бутылка быстро опустела, Грек почувствовал, что для хорошего настроения немного не хватает и уговорил приятелей взять еще одну поллитровочку. Сам лично сбегал за второй. Ее оперативники распили в машине, недалеко от дома, в котором жил капитан. Хотя Грек звал Туманова с Ваняшиным зайти к нему. Посидели бы, как люди. И Ваняшин вроде бы был не против. Но майор отказался, сославшись на то, что уже поздно и им пора.

Время и в самом деле уже было половина третьего ночи.

Прощавшись с приятелями, Грек вылез из машины и покачиваясь направился к своему дому, что-то тихонько наговаривая себе под нос.

От того места, где стояла их черная «Волга» со свинченными синими номерами, до дома Грека было не более пятидесяти метров. Надо только пройти метров двадцать по тротуару, потом свернуть под арку, разделявшую торговый центр на два строения и вот он, дом Грека. Рукой до него подать.

Федор глянул в спину удаляющемуся Греку, и только сейчас увидел машину. Кажется, это была «девяносто девятая» модель «Жигулей» синего или черного цвета. Она так близко стояла к стене торгового центра, спрятавшись под его тенью, что точный цвет машины было определить почти невозможно. Скорее всего, Федор и вовсе бы не заметил ее, если б после того, как Грек прошел мимо, двери машины не открылись. При этом в салоне загорелся тусклый свет. Но даже этого тусклого света Федору хватило, чтобы заметить троих крепких парней, быстро выскочивших из машины.

Видно, увидев покачивающегося Грека, у них появилось неудержимое желание проверить содержимое его карманов. Хотя кроме ключей от квартиры, начатой пачки сигарет и коробка спичек, они бы там вряд ли отыскивали чего-то стоящего. Но парни, к сожалению, этого не могли знать. Выскочив из машины, они нырнули под арку, следом за Греком.

Ваняшин завел мотор «Волги» и уже хотел тронуться, но Федор не дал, сказав:

– А ну-ка, Леша, погоди. Сдается мне, сейчас Греку как никогда понадобится наша помощь. Глянь-ка туда, – показал Туманов на стоящую возле стены торгового центра машину. – Видишь вон ту тачку?

Ваняшин выключил мотор, присмотрелся, куда показывал ему майор.

– Теперь вижу, – уверенно кивнул лейтенант.

– Только что из салона этого авто выскочило трое молодцов, и побежали за Греком. Думаю, Сан Санычу сейчас с ними нелегко.

– «Шакалы». Ночная шпана, – уверенно сказал Ваняшин. – Такие по ночам работают. Выбирают жертву, отметелют ее хорошенько, ну и соответственно карманы вывернут. Часы могут снять. Кольцо золотое. На меня тоже такие пару раз насакивали. Ну я им, – Ваняшин сжал здоровенный кулачище и слегка стукнул им по рулю, показывая, как он поступил с ночными «шакалами».

Федор не сомневался, что тем парням, рыпнувшимся на здоровяка Ваняшина, крупно не повезло. Наскочили они на него не подумавши.

– Да, но Грек, это не ты. Это он на словах герой. Думаю, нам лучше поспешить, пока они его не забили до смерти, – сказал Туманов и быстро вылез из машины.

Еще подбегая к арке, они с Ваняшиным слышали шлепки ударов и вопли Грека. По сему не трудно было догадаться, что Сан Саныч терпел поражение, что сильно обеспокоило оперов.

Вбежав под арку и очутившись по другую ее сторону, Туманов с Ваняшиным увидели Грека. Тот стоял, чуть пригнувшись, прижавшись спиной к кирпичной стене торгового центра, а трое молодцов старательно охаживали его с трех сторон кулаками. Он почти не отбивался, видно уверовав в свою обреченность. Так, только коротко взмахивал руками, словно отпугивая комаров. Но отпугнуть этих крепких ребят ему было явно не по силам. И при каждом попадании кулака по усатой физиономии, голова Грека раскачивалась из стороны в сторону, как маятник.

– Вот, суки, – процедил сквозь зубы Ваняшин, недовольный такой несправедливостью. Все-таки, трое на одного, да еще пьяненького, это не дело. И кулаки Леша Ваняшина сами собой зачесались.

Внезапно в руке парня, который стоял прямо перед Греком, Федор увидел нож. Его лезвие тускло блеснуло в темноте. Он отвел руку в сторону, чтобы с размаху всадить лезвие ножа в побитое тело Грека.

Федор испугался, что они с Ваняшиным не успеют и что есть силы, закричал, оглашая спящий двор своим криком:

– Стоять, милиция!

Не ожидавшие появления ментов парни как видно на миг оцепенели. По крайней мере, Грека они уже колотить перестали. И тот, у кого в руке был нож, оказался явно в замешательстве, хотя рука уже была занесена для удара.

Сам же Грек, скорее всего, обессилив совсем от побоев, вдруг качнулся и не удержав равновесия, не устоял на ногах. Его повело в сторону, и он упал. И как оказалось, весьма своевременно, потому что парень, державший нож, видно все-таки, решил довести задуманное до конца, ударил, и лезвие с неприятным для слуха скрежетом прошло по кирпичам. Второй раз ему не дал ударить Леха Ваняшин.

Федор едва успевал замечать, как отлетали от ударов старательного Леша Ваняшина, тела нападавших. Наверное, вот так легко, точно играючи, лейтенант мог прикончить всех троих одними руками, без применения оружия, но им повезло. Двое из нападавших, не стали искушать судьбину и рванули в темноту, под арку, где стояла их машина. Третьего, Федор Туманов ухватил за руку и, завернув ее тому за спину до хруста, уложил его на землю.

– Лежи, не дергайся, – сказал майор, не оставляя тому шансов для сопротивления. – А то я тебе не только руку, но и башку сверну.

Парень испуганно покосился на насевшего ему на спину Туманова. Но больший страх у него был перед Ваняшиным. Он увидел, что амбал, легко раскидавший их всех троих, возвращается, обозленно матерясь.

– Не догнал я их, Николаич, – сказал Ваняшин, подойдя. – Ушли, суки, а жаль. Так хотелось им хари по стене размазать за Сан Саныча. Сан Саныч, – наклонился Ваняшин над Греком, – ты живой?

Грек зашевелился, принимая из лежачего положения, сидячее.

– Леш... Федор... они меня... – он не договорил, неожиданно всхлипнув. – Нет, за что? Ничего ведь им не сделал. Шел себе. А они... сволочи...

– А вот сейчас мы и узнаем, что им надо было от тебя, – застегивая руки задержанного в наручники, проговорил Федор Туманов. – Ну, урод, предлагаю тебе чистосердечное признание. Можешь воспользоваться моей добротой. Но знай, что я не всегда такой, и могу рассердиться. Тогда тебе будет хуже. И так, время пошло. Начинаем отсчет. Раз, два, три.

Досчитав до трех, Федор довольно сильно врезал ребром ладони лежащему парню по шее, так, что тот клюнул носом об землю. Не давая ему возможности поднять голову, Туманов заглянул в один карман пиджака, потом во второй и достал из него удостоверение. Прочитал:

– Оперуполномоченный ФСБ лейтенант Осипов Валерий Игнатьевич. Вот это да. А ты, Леша, говоришь – «шакалы». Ночная шпана. С каких, это пор у нас фсбэшники стали по ночам заниматься грабежом?

– Каким грабежом? – подал голос задержанный фсбэшник. – Никого мы не грабили.

Федор усмехнулся сказанному Осиповым.

– Так уж и никого? А Сан Саныча Грека? Между прочим, он капитан милиции. А вы его по морде.

Осипов чуть оторвал от земли свое разбитое лицо и со злостью плюнул едва ли не под ноги Греку. Глянув на побитого капитана.

– А мне будь он хоть полковником, – проговорил фсбэшник.

– Смотри, какой герой. Ты еще в штаны не наложил? Так сейчас наложишь. Мне ведь тоже до фени, фсбэшник ты, или сотрудник группы Альфа. Знаешь, как у нас у ментов? Кровь за кровь. Сейчас как дам промеж ребер и сдохнешь тут, если не ответишь на вопросы майора, – пригрозил Ваняшин.

Осипов боязливо покосился на Ваняшина.

– А чего мне отвечать. Не грабили мы его. Он сам к нам пристал. Мы у него только закурить спросили, а он сразу драться, – проговорил фсбэшник. На что рассчитывал в своем вранье, было не понятно. Опера ему не верили.

Услышав такое обвинение в свой адрес, Грек вскочил с земли.

– Не так все было. Зачем врешь? Николаич, я шел, слышу, позади кто-то бежит. Ну я еще посторонился. Пусть, думаю, пробегают. А они, хрясть мне по роже с одной стороны. Потом, хрясть с другой. Я даже не понял, за что. Твое счастье, молокосос, что вас трое было. Был бы ты один, я бы тебе показал, что, значит, иметь дело с настоящим опером. Ты бы у меня всю землю тут своим носом вспахал. Так что считай, тебе еще повезло.

Лежащий фсбэшник, стал понемногу отходить от испуга, какой на него сперва нагнал Ваняшин. Он понял одно и самое главное, раз его сразу в горячке менты не пришибли, значит, теперь и вовсе убивать не будут, и потому на всех троих смотрел дерзко. Особенно ему не нравился Грек. И все сказанное капитаном он выслушал с легкой усмешкой, словно капитан наговаривал на него, стараясь очернить.

– Ладно. С этим у нас еще будет время разобраться, – пообещал Туманов и спросил у фсбэшника: – А те двое, тоже из вашей конторы?

Парень уставился на майора Туманова своими наглющими глазами.

– Чего? Ну скажите, из конторы, – усмехнулся он, уверенный, что ничего у ментов не выйдет. Грабеж они ему не пришьют. В лучшем случае, что ему грозит, так это статья за мелкое хулиганство. А такие вещи родное учреждение заминает легко. Достаточно сделать один единственный звонок. И в душе, он насмеялся над усилиями тугодумов ментов.

– Да я вообще не знаю этих ребят, – сказал он.

Федор сделал вид, будто верит ему, каждому произнесенному слову.

– А как же ты вместе с ними очутился в одной машине? – спросил вдруг Туманов, несколько сбив Осипова с толку.

Парень призадумался, отмечая про себя, что майор не так прост, как кажется на первый взгляд.

– В машине? – переспросил он. А Федор кивнул.

– В машине, в машине. Вы ведь вместе сидели. Мы видели, как вы втроем выскочили из нее, когда Грек прошел мимо вас.

– Майор, вы вербуете информаторов из числа местного населения? – вдруг спросил парень. Федор хотел сначала не отвечать на этот вопрос, но потом передумал, и ответил уклончиво:

– Ну допустим.

– Вот и мы тоже. Я даже путем не успел познакомиться с этими ребятами. Мы сидели, выпивали в их машине. У нас кончились сигареты. Видим, мужик идет, хотели у него спросить.

Все выглядело вполне правдоподобно за исключением маленького пустяка, о котором Туманов не замедлил спросить:

– Ну хорошо. Пусть так. А зачем вы стали вместе с этими парнями избивать Грека. Ну не дал он вам закурить, ну и шли бы себе дальше. И почему вы не приняли мер к его спасению, когда один из парней, хотел убить его ножом?

Парень сжал челюсти так, что на щеках вздулись желваки. Видимо он был не готов к этому вопросу. Но все-таки, работа в столь серьезных органах кое-чему его научила. И он сообразил, что ответить.

– А зачем, когда тут вы налетели? – кратко объяснил он.

Федор призадумался. Не верил этому фсбэшнику, ни единому его слову. Слишком уж все у него гладко получается. Если все получилось неожиданно, так, как он хотел в этом убедить оперов, то такого бы быть не могло. Что-то тут не вязалось. И к Туманову пришла

внезапная мысль, что эти ребята попросту хотели убить Грека, а били его для того, чтобы все обставить, как пьяную драку с прозаичным концом.

Капитан напился. Шел домой. К нему на улице пристали. Подрались. И в драке его ударили ножом. Все до смешного просто, когда бы не было так грустно. Потому что речь шла о жизни Сан Саныча Грека.

– Вот что, хлопец, плетешь ты нам тут складно. Но остаток ночи тебе придется просидеть у нас в камере. А там решим, что дальше делать, – сказал Федор.

Лейтенант Осипов понимал, что возмущение его ни к чему хорошему не приведет и все-таки, решил попробовать возмутиться:

– Вы не имеете права меня задерживать.

– Чего? – Ваняшин легонько пнул Осипова ногой под ребра. – Поговори еще мне тут о правах. Ты когда Грека колотил, о правах думал?

– Вы должны немедленно сообщить о моем задержании дежурному по управлению ФСБ, – не обращая внимания на упреки Ваняшина, посоветовал Осипов.

Федор поспешил успокоить его:

– Да не переживай ты так. Сообщим куда надо и кому надо. Давай, вставай, и поехали. Леша, помоги ему встать, – попросил Федор Ваняшина.

Ваняшин схватил своей огромной лапицей лежащего за ворот пиджака и легко поднял с земли, поставив на ноги.

– А ну пошел к машине, – подтолкнул он Осипова в спину со словами: – Знаешь, как у бандюков говорят? За базар ответишь. А ты тут много нам набазарил. Будем проверять сказанное тобой. И смотри, – Ваняшин поднес к лицу фсбэшника кулачище. – Разок припечатаю, второго не захочешь.

Как видно Осипов не хотел и первого раза, попросил:

– Дайте мне позвонить? У меня – сотовый...

– Сотовый? – лейтенант хлопнул себя по лбу. – Правильно. И как мы в горячке про него забыли. А ну, дай его сюда. Где он там у тебя? – проговорив так, Ваняшин сорвал с брючного ремня чехол, в котором лежал сотовый телефон Осипова. Осмотрев его, Ваняшин сунул мобильник себе в карман.

– Пусть пока твой телефон у меня полежит, если ты не возражаешь, – сказал он, усаживая задержанного лейтенанта ФСБ на заднее сиденье милицейской «Волги».

Что-либо возражать теперь было бессмысленно и задержанный фсбэшник промолчал, сосредоточенно думая о дальнейшем развитии событий.

Понимая, что дело может принять серьезный оборот, по дороге в управление, Туманов попросил Ваняшина завезти Грека в больницу, чтобы засвидетельствовать следы избиения. Медицинская справка ему не помешает, а заодно и им. По крайней мере, все действия оперативников при задержании лейтенанта ФСБ будут оправданы.

Глава 5

На этот раз Федору даже не пришлось спрашивать разрешения у полковника Василькова, чтобы войти. Дверь его кабинета была приоткрыта, словно нарочно в ожидании Туманова. И стоило майору переступить порог кабинета, как полковник озабоченно спросил:

– Ну давай, рассказывай, как вы ночью дров наломали?

Для начала Туманов сел, положив на стол перед собой тонюсенькую папочку, в которой лежал рапорт капитана Грека о том, как его избили, медицинская справка о нанесенных побоях, заверенная печатью и подписью дежурного врача, и объяснение, которое опера взяли с задержанного лейтенанта ФСБ.

Поначалу лейтенант Осипов не под каким предлогом не хотел давать показаний по поводу случившегося, заявляя, что обо всех деталях происшедшего он доложит только своему начальству, поэтому Федору Туманову пришлось зарвавшись фсбэшнику в непопулярной форме растолковать, что тот находится не у Проньке на блинах, а потому выбора у него нет. И осознав это, лейтенант согласился поставить свою подпись. Он признал факт избиения Грека и даже подтвердил то, что один из их троицы пытался ударить капитана ножом, но по-прежнему упорно отрицал знакомство с теми двумя парнями.

– Да это не мы наломали, а товарищ из ФСБ. Мы его задержали. Сейчас он сидит у нас в камере, – сказал Туманов, заметив, что полковник вдруг как-то сразу отвел взгляд в сторону.

– Уже не сидит, – голосом лишенным какого-либо настроения заявил Васильков, по-прежнему блуждая взглядом куда-то вдаль своего просторного кабинета и упорно не желая смотреть в изумленные глаза своего подчиненного.

– То есть?... – спросил Туманов так, словно начальник отдела сообщил ему по секрету сногшибательную новость. Хотя, в чем-то, наверное, это действительно было так. Ничего подобного Федор не ожидал. Даже поговорить, как следует, с этим фсбэшником не пришлось. И вдруг его отпускают.

«Батяня» на вопрос Туманова только вынужденно развел руками.

– Ты ж сам все понимаешь, – несколько смутившись, заявил он. – Да и стоит ли нам связываться с их конторой. Да вы даже в камеру его не имели права сажать, – чуть повысил полковник голос, оттого, что чувствовал себя несколько виноватым перед своими сотрудниками. В частности, перед тем же Греком. В душе он был солидарен с подчиненным майором Федором Тумановым, но на деле все обстояло немного иначе.

– Мы имели право задержать его на три часа, чтобы за это время проверить подлинность его удостоверения. Может, он никакой не лейтенант ФСБ. Сейчас много шарлатанов разгуливают с разными удостоверениями, – проговорил Федор, чувствуя на душе тяжесть.

Полковник Васильков посмотрел на Туманова так, как может смотреть начальник на своего подчиненного, не позволяя ему усомниться в правильности принятого решения.

– В том-то и дело, что он состоит на службе в ФСБ. Часа через полтора после его задержания к нам приехал дежурный офицер управления ФСБ и забрал этого лейтенантика с собой. Да и ничего серьезного не произошло, – проговорил полковник так, словно сам старался убедить себя в этом. – Ну подрались они с Греком. Наш капитан, сам хороший перчик. Я Грека знаю.

Слушая полковника, Федор не смог скрыть возмущения:

– Подрались? Нет, товарищ полковник, Грек с ними не дрался. Он защищался, а вот они его били. Более того, не вмешайся мы, они бы убили его. Один из нападавших пытался ударить Грека ножом. Капитана спасло то, что он упал. – Федор хотел добавить что-то еще, но полковник хлопнул ладонью по столу и сказал сердито:

– Погоди, майор, не гоношись. Разве ты не понимаешь, что их контора рангом стоит выше нас. Мы их не можем проверять, а они нас могут.

– И мы их можем, если их сотрудник замешан в уголовном деле. Разве не так? – Туманов пристально посмотрел в глаза полковнику Василькову.

– Но ведь Осипов еще не замешан? А вся ваша чехарда, в лучшем случае тянет на мелкое хулиганство. И потом, Федор, не ищи ты приключений на свою жопу. Ну они Греку по морде настучали, вы – им. Считай, в расчете. У вас что, других дел нету, как с фсбэшниками связываться?

Федор призадумался. Отчасти «батяня» был прав. Да и вряд ли начальник управления одобрит его действия, если Федор поперет в штыковую на контору.

Заметив, что Федор Туманов в глубоких раздумьях над сказанным им, полковник решил перевести разговор на служебную тему, спросил:

– Ты мне лучше скажи, чего там накопили по взрыву у пивбара? Личность женщины, у которой была взрывчатка, установлена? Можно мне чем-то похвалиться перед генералом? Он между прочим, уже звонил, интересовался, – указал полковник пальцем на телефонный аппарат, стоящий особняком на его столе. Это был аппарат прямой связи с начальником управления. Звонил он не так часто, но всякий раз его звонок вызывал у Василькова внутренне волнение.

В ожидании ответа, полковник, не мигая, уставился на майора тяжелым взглядом из-под густо нависших бровей. Он мог вот так прождать долго, но долго ждать ему не пришлось.

– Да пока хвалиться-то нечем, – ответил Туманов, как видно огорчив Василькова. И это сразу отразилось на его лице.

Полковник вздохнул, небрежно кивнув своей огромной головой.

– Вот видишь, – произнес он с нескрываемым сожалением, встал с кресла и прошелся по кабинету. – Вот куда вам надо направить свои силы. Они там, в ФСБ, чтоб меньше было шума, стараются дело преподать так, будто этот взрыв ничто иное, как дележ сфер влияния между преступными группировками. Понимаешь, к чему я это говорю?

Федор глянул на полковника вызывающе.

– Я не думаю, что дело обстоит так. Конечно, пивбар, место кормовое. Многим бы ворах хотелось взять его под свою крышу. Но хозяин пивбара, армянин, исправно платит мзду. Да и не похоже это на криминальные разборки, – проговорил Федор убедительно. И для этого у него были веские основания. Пару дней назад майор Туманов поднял на ноги всех своих многочисленных агентов и даже имел разговор с несколькими законными, которые в один голос уверяли старшего оперуполномоченного майора Туманова, что ни одна из московских группировок к взрыву не имеет отношения. У Федора не было оснований им не верить. Слово вора – верное.

– Тогда что же это, теракт? – доверительно спросил Васильков. Причем, сейчас разговаривал с Федором, как с равным.

– Похоже на то, – сказал Туманов и замолчал. Но полковник сразу заметил, что Федор что-то не договаривает, глянул с прищуром майору в глаза.

– Ну чего там у тебя еще? – спросил он.

Туманов понял, что ему не отвертеться.

– Тут вот какое дело. В общем, в ходе расследования установлено, что женщину со взрывчаткой к пивбару подвезли на машине, принадлежащей погибшему капитану Чикину, – сказал Туманов и заметил, как полковник сразу переменился в лице. Ведь обвинения такого рода – вещь серьезная.

Минуто, а может и больше, «батяня» молчал, обдумывая сказанное майором Тумановым. Потом сказал, задумчиво:

– Но ведь взрыв у пивбара произошел уже после смерти капитана.

Федор кивнул.

– Правильно. Я разговаривал с женой Чикина. Она сказала, что ее муж месяц назад оформил доверенность на свою машину на некоего Артура Пшеянца. А вчера мы обнаружили этого Пшеянца в своей квартире с перерезанным горлом. Пока неизвестно, кто и за что убил этого гражданина. Но, думаю, тут есть какая-то связь. И я постараюсь доказать это.

Как видно полковнику трудно было усидеть на месте. Он вскочил с кресла. Пройдя по кабинету, остановился возле сидящего на стуле Туманова и, покачав головой, проговорил:

– Вот видишь, в своем огороде разобраться не можем, а ты еще хочешь с фсбэшниками связываться.

– Товарищ полковник, понимаете, у меня предчувствие, что Грека хотели убить. И это была отнюдь не пьяная драка, а спланированная акция, – дерзко заявил Туманов, но полковник только махнул рукой.

– Брось, майор. Предчувствие к делу не подошьешь. У тебя доказательства есть? – довольно резко спросил Васильков.

Федор промолчал. Доказательств у него не было.

– Вот видишь, нету, – проговорил «батяня» как бы с насмешкой. – Да и кому он нужен, ваш Грек, чтобы его убивать. Так что, давай, Федор, поднапрягись. Это дело нужно раскрыть. Оно под контролем не только у нашего генерала, но и в самом министерстве. Понимаешь, о чем я говорю? – указал Васильков пальцем вверх, подчеркивая особую значимость своих слов.

* * *

Узнав, что избивавшего его фсбэшника выпустили, Грек сильно расстроился.

– А ты что, шкуру хотел с него с живого содрать? – с сарказмом заметил на это лейтенант Ваняшин. – Хрюшку мы ему начистили от души, а чего еще? – спросил он Грека.

Но как видно, Сан Саныч Грек хотел большего. Его захлестывала обида.

– Леш, да не это главное, – возразил на сказанное Ваняшиным Грек.

– А что же тогда? Пристрелить, что ли его надо было в наших казематах? – спросил Ваняшин. Как и Греку, ему тоже было неприятно, что вышестоящее начальство в лице Василькова распорядилось отпустить Осипова, даже не спросив мнения оперов. Прежде всего, в этом виделось неуважение. Наверное, оттого руки сжимались в кулаки еще больше.

– Да нет, Леш, стрелять его не надо. Пусть живет собака. Только сдается мне, что лейтенантик тот наврал, будто тех двоих не знает. Из одной они шайки-лейки. А, Николаич? – уставился Грек своими черными глазами на Туманова. Под правым глазом у капитана красовался здоровенный синячище, который Грек слегка подпудрил, и это вызвало очередной подкол со стороны приятеля Лехи Ваняшина.

Федор молчал, слушая трепотню своих помощников. Но, услышав вопрос Грека, обращенный к нему, проговорил задумчиво:

– Мне тоже кажется, что тут нечисто. В три часа ночи мы доставили Осипова к нам в управление в дежурную часть, а через два часа за ним уже приехали из ФСБ. Вопрос, откуда они могли узнать, что он у нас?

Грек предано смотрел в глаза своему старшему и молчал как рыба. Причем, видок у него после ночного инцидента, прямо сказать, был не очень. Морда побитая. Пиджак, помятый с пятнами, оставшимися от грязи, в которой Грек изважюкался, когда упал. Если бы его таким увидел генерал, строгий начальник управления, то, несомненно, обвинил Грека в том, что это именно он является зачинщиком драки.

– Николаич, ты думаешь, кто-то из тех двоих сообщил о его задержании? – спросил Ваняшин у майора Туманова.

Федор кивнул.

– Уверен на все сто, так же как в том, что они специально поджидали Грека. Весь вопрос в том, каким образом наш Сан Саныч перешел им дорогу? – в раздумье, проговорил Туманов.

Грек выглядел подавленным, потому что сам не понимал причину своих неприятностей, но чувствовал опасность, рассуждая мудро: если эти козлы хотели его убить, и у них это не получилось, то они запросто могут попытаться еще раз. Не зря же говорят, попытка, не пытка. Но для самого Грека это все как раз было сущей пыткой. И он спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, а скорее, чтобы поддержать начатую Федором мысль:

– Да, с чего?

Ваняшин позлорадствовал.

– Может, морда твоя им не понравилась. Тебя вечно с цыганом путают. Вот и на этот раз, ждали цыгана, а тут ты откуда не возьмись, – съязвил он.

– Думаю, морда Грека тут не при чем, – заступился Туманов за физиономию капитана. Ваняшин недоверчиво хмыкнул.

– А чего ж тогда они?

– Возможно, когда-нибудь мы об этом узнаем, а пока придется набраться терпения. Васильков прав, у нас есть дела поважнее. Необходимо попытаться установить личность погибшей террористки. И приложить силы к тому, чтобы отыскать убийцу Пшеянца. Глядишь, от них ниточка потянется дальше. Так что вперед, господа сыщики, – сказал Туманов, вставая из-за стола, тем самым давая понять, что обоим помощникам следует поступить также.

Грек подскочил к сейфу, открыл свою ячейку и достал оттуда пистолет, сказав, что теперь он даже в общественный туалет будет захаживать только с оружием.

– Правильно, – одобрил Ваняшин эту затею. – С ним тебя не только будут бесплатно пропускать в общественную уборную, но еще и глядишь, деньжат приплачивать как рекитеру.

Грек на это нелестное высказывание приятеля Лехи в свой адрес, ничего не ответил. На душе было скверно. Капитан чувствовал себя оскорбленным своей родной системой, а что до подколов молодого лейтенанта, то, что можно с него взять. Пусть поработает в органах столько, сколько Сан Саныч, потом и разговор будет.

* * *

Поговорив с сержантом, дежурившим на воротах, лейтенант Ваняшин вышел на улицу и напрямик направился к площадке, где сотрудники управления обычно оставляли свои машины.

Свою черную старушку с помятыми боками, лейтенант поставил с краю. Во-первых, так она никому не мешает, а, во-вторых, в случае экстренной необходимости, на ней можно сразу выехать и не придется расталкивать другие машины.

Леха Ваняшин открыл дверь и, сунув ключ в замок зажигания, завел двигатель, поджидая Грека с Тумановым. Те топали позади, сейчас остановились на КПП, расспрашивая у дежурного офицера, на какой машине приезжали фсбэшники за лейтенантом Осиповым.

Ваняшина это не интересовало. Леха твердо был уверен в одном, машина та была не только не хуже их развалюхи, и если уж не в сто, то намного лучше их служебной четырехколесной дребедени. В такой серьезной организации денег на транспорт не жалеют, не то, что в родной ментовке. Лишнюю копейку на бензин не выпросишь.

Ваняшин вылез из машины, оставив дверь открытой, и не глуша мотора, крикнул Грека, чтобы тот заканчивал трепаться и шел сюда.

– Сейчас, Леша, – немного с недовольством отозвался Грек, хотел уже идти к поджидавшему их Ваняшину, но Туманов вдруг закричал не своим голосом: – Стоять, Грек!

Грек оторопел. Сдурел майор, на самое ухо так орать. Грек, так же как и дежуривший на КПП офицер, не понимал, что нашло на Федора Туманова, и только когда глянул на их «Волгу», заметил, что из глушителя старушки выходят два тонких проводка и тянутся под днище машины.

Грек побледнел, чего случалось с ним крайне редко, потому что на его смуглой коже бледность почти никогда не была заметна. Но только не на этот раз.

Ваняшин стоял сбоку машины и махал им рукой. Он еще не знал, что от смерти его отделяют секунды.

Грек перепугался. Видел, как Туманов замахал руками, крича при этом Ваняшину, чтобы тот отбежал от машины, но лейтенант не понимал, что происходит и почему ему надо отбегать от старушки.

– Чего, Николаич? – крикнул он в ответ.

– Ложись ты на хер! – закричал ему Грек. – Взорвешься.

Такое популярное изъяснение до Ваняшина дошло сразу. Сделав два длинных прыжка, он очутился возле зеленой «десятки» начальника штаба и, нырнув через нее рыбкай, распластался на асфальте.

А еще через секунду Грек увидел, как из-под машины, сзади, брызнул огненный факел, и тут же гроыхнуло так, что у капитана заложило уши.

В машине начальника штаба вылетели стекла, и заработала сигнализация. «Волга» оперативников полыхала огнем. Грек стоял как вкопанный и смотрел, как все сотрудники, которые в этот момент были поблизости от КПП кинулись к их горящей машине. Он поискал глазами Туманова и не обнаружил его рядом. Майор уже бегал вокруг полыхающей «Волги». В руках у него был огнетушитель, из которого он пеной заливал огонь.

Грек подумал о лейтенанте Ваняшине, побежал, но не к горящей машине, а к лежащему на земле приятелю Лехе, легонько пнул его ногой.

– Ты, гад, сам чуть не взлетел на воздух и меня хотел потянуть за собой. Да если бы не Николаич, знаешь, где бы мы с тобой сейчас были? – напустился капитан, на перепуганного лейтенанта.

– Да я тут не при чем. Она сама, бухнула, – чуть заикаясь, произнес Ваняшин, вставая.

– Не при чем он, – грозно выговаривал его Грек. – Надо было прежде, чем заводить мотор, осмотреть машину. Сказано уже тебе было однажды. Только до тебя ведь все, как до жирафа, не сразу доходит. Хорошо, что Николаич углядел бомбу, а то бы тебе, дураку, хана.

Огонь удалось затушить довольно скоро и, причем, не только свою машину, но и горевшую «десятку» начальника штаба.

Полковника Орлова чуть удар не хватил, когда он увидел, что стало с его новенькой красавицей. Когда бензобак «Волги» взорвался, струи горящего бензина попали на левую сторону зеленой «десятки», и вся эта сторона почернела от огня.

Схватившись за голову, начальник штаба набросился на оперов:

– Вы что, не могли поставить свою машину подальше от моей? Я же ее купил буквально две недели назад. И вот на теперь, что с ней стало.

Впрочем, самих оперативников сейчас беспокоило другое.

Сразу же, как только «Волга» была затушена, Туманов подошел к сержанту, дежурившему возле ворот. В отличие от офицера находящегося на КПП, сержант стоит на улице, а, следовательно, он мог заметить, кто подходил к их служебной машине.

– Точно ручаться не стану, но, вроде, женщина подходила, – сказал сержант, когда Туманов спросил его.

Федор нервно крутил в руках сигарету.

– Женщина?

– Ну да. Такая, небольшого роста. В серой кофточке и черной юбке. Я и внимания-то на нее особенно не обратил, потому что она выглядела как бомжиха. Лицо черненькое. И вся какая-то грязная. На такую и смотреть-то тошно.

– Бомжиха, говоришь? С грязной рожей? – уточнил Грек, подойдя к Туманову с сержантом, оставив Ваняшина одного на растерзание начальника штаба, который отчитывал лейтенанта как мальчишку.

– Ну да. Вроде, бомжиха. Такой она мне показалась. Я еще подумал, что она бутылки собирает. Смотрю, наклонилась, шарит чего-то возле вашей машины. Если б я знал...

– Знал бы, где упасть, соломки постелил, – проговорил на сказанное сержантом Грек. Сержант заморгал глазами, не понимая, к чему это сказано. Грек махнул рукой.

– Ладно, парень, не ломай голову, – сказал он. А Туманов спросил:

– А теперь, сержант, постарайся напрячь память и вспомнить, красной легковушки поблизости не было?

Сержант устался на майора, сдвинув фуражку на затылок.

– Точно. Была. Не то «пятера». Не то «семера». Вон там стояла, за автобусной остановкой. Мне еще показалось, как будто эта бомжиха вылезла из нее.

– Вылезла, – задумчиво повторил Федор.

Грек тоже скроил задумчивую физиономию. Для него бы сейчас лучше бы было постоять там, возле взорванной машины, именно там собралось едва ли не половина сотрудников управления, но, видя, как начальник штаба кричит на Ваняшина, Грек решил повременить и постоять пока возле Туманова.

– Слушай, Федор, может сообщить номер этой машины на все посты ДПС? Пусть задержат эту «пятерку», – предложил Грек. Но Федор посчитал это предложение безнадежным.

– Номера на машине они, наврядка, сменили. А потом, ты думаешь, что бомжиха все еще едет в той машине?

Грек призадумался.

– Да, скорее всего, так и есть. Но если гаишники остановят эту машину, мы хотя бы установим личности...

– Саня, – Федор положил руку Греку на плечо. – А ты не думаешь о том, что так мы только спугнем тех людей, и они пересядут на другую машину. А так, мы хотя бы знаем, что эта «пятерка» раньше принадлежала капитану Чикину. Потом убитому Пшеянцу. Вот от этого и надо плясать. Нет, спугнуть нам их никак нельзя, потому что взрывчатку под нашу машину установила ни дилетантка, а человек, прошедший специальную подготовку. Детонатор адской машины она сунула в глушитель нашей «Волги». Ваняшин завел мотор. Выхлопные газы стали нагревать детонатор и в нем произошел разряд, который по проводам прошел на взрывчатку. А дальше, ты сам все видел. Вот так-то.

Грек как мальчишка шмыгнул носом, тут же поклявшись, что отныне он кроме велосипеда ни за что не сядет ни на одно транспортное средство.

Глава 6

Федор тихонько открыл дверь, вошел в прихожую и прислушался.

Висевшие в прихожей на стене ходики, равномерно тикали, отмеряя уходящие секунды бесконечного времени.

Одна, вторая, третья. В минуте, шестьдесят секунд. Вроде бы так много, но они пролетают с неумолимой быстротой, отмеряя уходящую жизнь. Грустно думать, но это так, потому что все когда-то кончается. И только время не подвластно этому правилу.

Сегодня они втроем были на волосок от смерти. Странное чувство. Сколько раз в критические минуты, наступало какое-то непонятное прозрение, помогая обойти опасность, выкарабкаться из, казалось бы, почти безвыходного положения. Смерть отступала, оставляя им жизнь. Так было и на этот раз.

Федор не знал, что это: особое чувство оперативника или же небеса помогают ему обойти беду. Так или иначе, но сегодня Даша могла остаться вдовой. Федор впервые задумался о своей собственной смерти, и она ему показалась ужасной. Скверные мысли.

Он глянул на кухонный стол, где стоял приготовленный для него Дашей остывший уже ужин, и рука невольно потянулась к холодильнику. Достав бутылку водки, Туманов отвинтил пробку и налив полстакана прозрачной жидкости, в два глотка выпил ее и не почувствовал горечи.

– Вода?!

– Да, вода, – проговорила Даша. Она стояла на пороге кухни и смотрела на Федора измученным взглядом.

– Даша, ты не спишь? – Туманов вытер рукой влажные губы, несколько обидевшись на жену за такой розыгрыш. В другой бы раз может, и не придавал этому значения, восприняв за шутку, но сейчас. Сейчас ему страшно хотелось выпить. Выпить, а потом забыть обо всем и заснуть.

Даша вошла в кухню, села на стул рядом с Федором, накрыв своей теплой ладошкой его руку.

– Федор, миленький, что с тобой происходит? – тихо спросила она.

Покосившись на стоявшую, на краю стола бутылку с водой, он спросил, не очень-то скрывая раздражение:

– А что такого может со мной произойти? Со мной все в полном порядке. Вот сижу перед тобой, жив, здоров.

Даша грустно посмотрела ему в глаза и покачала головой.

– Нет. Не все в порядке.

– Да брось ты, – усмехнулся Туманов, еще не отойдя от раздражения на жену. Сколько раз подмечал, что никто не может так его вывести из себя, как близкий человек, жена. И потому в последнее время, когда что-то уж очень сильно не ладилось на работе, домой он возвращался с плохим настроением и покрикивал на жену. То же самое произошло и сейчас.

– Это все твои фантазии. Начитаешься книжек об идеальных мужиках. А их нет. Не существует в природе, как и идеальных баб. И вообще, нет ничего идеального. Мир несовершенен. А я – всего лишь часть этого мира. Понятно? Или может, еще как-то надо объяснять?

Даша терпеливо выдержала, пока Федор закончит свои философские размышления. Потом сказала, стараясь выглядеть спокойной:

– Вечером я звонила тебе на работу. Сан Саныч Грек рассказал мне, что у вас произошло.

Туманов отвернулся к окну. Вздохнул.

– Сан Саныч и не это тебе может рассказать. У него вода в заднице не удержится. Он у нас такой.

– Федор! – на этот раз Дашин голос зазвенел на высокой ноте.

Федор обернулся к жене.

– Ведь вас могли убить, – проговорила Даша, и глаза ее заблестели.

Туманов вздохнул, обнял жену, прижимая ее к себе.

– Могли. Но не убили, – сказал он. Хотел все случившееся с ними, обратить в шутку, но посмотрел Даше в глаза и замолчал, тихонечко вздохнув. Слишком много печали было в глазах любимой. И играть на ее нервах, слишком жестокая, и непростительная роскошь.

– Федор, миленький, – Даша прислонилась к его плечу и тихонечко всхлипнула. – У меня нехорошее предчувствие. Ты ведь уже два года не был в отпуске. Давай уедем куда-нибудь отдыхать. Помнишь, ты мечтал о том, чтобы нам провести отпуск на берегу речушки. Ты бы ловил рыбу. Федор?! – голос у Даши дрогнул. – Ну откажись ты от этого дела.

Федор отстранился от Даши, посмотрел на жену с некоторым удивлением.

– То есть как это, откажись? Это что, поход на экскурсию, от которого можно отказаться? А потом, ты знаешь, сколько человек погибло от взрыва возле пивного бара? – спросил он, заглядывая Даше в глаза.

Даша промолчала, не ответила на его вопрос. И Федор посчитал своим долгом немедленно просветить жену.

– Восемь человек. И еще полтора десятка раненых. Ты думаешь, все те восемь человек хотели умирать? – заговорил Туманов довольно громко, и Даша попросила:

– Федор, пожалуйста, тише. Соседей разбудишь.

Но Туманов махнул рукой на это замечание. Сказал:

– Между прочим, все эти погибшие, были вполне приличными людьми.

– А мне казалось, что приличные люди по пивбарам не шляются. Сидели бы дома, и остались бы, живы, – заметила на сказанное Федором Даша. Голос ее показался Туманову рассерженным.

Федор улыбнулся. Уж слишком строгое лицо у любимой. Сейчас она напомнила Туманову его первую учительницу. Та хотела слепить из первоклашек в дальнейшем примерных учеников. Старания ее не оправдались. Большинство мальчишек, оказались первостатейными разгильдяями.

И вряд ли теперь получится у Даши, сделать из него примерного мужа и уж тем более изменить его образ жизни. Хотя, надо отдать ей должное, педагогические задатки из нее так и прут.

– Знаешь, любимая, с рыбалкой придется повременить. Дело хорошее, спорить не стану, но работа для меня важнее. Да и не могу я бросить Грека с Ваняшиным. Они будут ловить бандитов, а я отсиживаться за печкой. Нет, это не по мне, родная. Ты уж извини. В другой раз как-нибудь с тобой порыбачим. Ладно?

– Значит, работа для тебя важнее, чем я, – Даша укоризненно закивала головой и решительно встала со стула, давая понять, что с таким мужем ей не о чем разговаривать. – Знаешь, ты кто? – спросила она вдруг.

– Кто? Трудоголик? – когда-то Федор слышал, так называют людей, фанатично относящихся к своей работе. Решил блеснуть знаниями перед женой и как видно, разочаровал ее. Даша покачала головой.

– Нет, не трудоголик, а мудоголик. Надеюсь, ты понимаешь, от какого первоначального слова, происходит это название.

– Дашка.

– Да что, Дашка? – возмутилась Даша. – Героя из себя корчишь. За печкой он не хочет отсиживаться, видите ли. А если с тобой, что-нибудь случится, ты обо мне подумал? Да я к телефону боюсь подходить. От его звонков у меня сердце заходится. Вдруг, с тобой что-то.

Федор обнял Дашу, пересилив ее сопротивление, и не упустил сказать:

– Пока у меня есть такая замечательная жена, со мной ничего не может случиться.

Даша изо всех сил пыталась оттолкнуть его, но у нее ничего с этим не получилось.

– Пусти, Федор. Не хочу с тобой целоваться. Ты противный и упрямый, как бык. Отпусти.

Туманов легко поднял жену на руки и понес в спальню. Теперь уже Даша не сопротивлялась. С покорностью рабыни, подвластной своему повелителю, она лишь позволила себе закрыть глаза, что, впрочем, совсем не мешало Федору.

Бережно уложив Дашу на семейное ложе, он распахнул халат, и увидел, обнаженное тело жены. Ее большие упругие груди волнительно вздымались от каждого вдоха. Соски набухли и выглядели так заманчиво и аппетитно, что Федор тут же приник к ним губами. Сначала к одному, потом к другому, лаская их языком.

– Федор, – страстно зашептала Даша, прижимая его голову к своей груди и медленно раздвигая ноги, легонько шевеля бедрами. – Я хочу тебя. Хочу, – вскрикнула она, боясь, что ее голос в ночной тишине окажется слишком громким и будет услышан соседями, и тут же вздрогнула, оттого, что зазвонил сотовый Туманова.

Федор оторвал голову от Дашиной груди, озадаченный этим звонком. Просто так ему бы звонить не стали. Стало быть, на то есть веская и довольно обоснованная причина.

– Ну, чего ты ждешь? – потеряв всякий интерес к сексу, проговорила с обидой Даша. – Включи мобильник.

Федор вздохнул. В такой момент зазвонил этот проклятый телефон.

Туманов подошел к столу, взял сотовый, поднес трубку к уху и услышал голос лейтенанта Ваняшина.

– Николаич, это я, – сказал Ваняшин.

Федор покосился на приоткрытую дверь спальни. Там на кровати во всей красе лежала жена, а он стоял в коридоре с приспущенными штанами и с мобильником в руке.

– Я узнал тебя, – ответил Туманов несколько мрачновато. Хотя с другой стороны и Ваняшин его понять должен. Часа три назад они только распрощались. Неужели Ваняшин уже успел заскучать по нему.

– Что-то случилось? Или ты мне решил пожелать спокойно ночи? Если так, то зря. Я еще не собирался спать. Поверь, у меня намечалось дело поважнее, – с намеком проговорил Федор, сожалея, что скорее всего теперь заняться любовью с Дашей не получится, и ругнув про себя лейтенанта, сказал: – Ну ладно. Говори, чего там у тебя, я слушаю?

– Федор Николаич, ты сюрпризы любишь? – полюбопытствовал лейтенант, и Федору показалось, что в его голосе засквозила откровенная насмешка. И Федор дал себе слово, что утром обязательно хорошенько вставит молодому лейтенанту, а пока ответил:

– Знаешь, Леш, по ночам я сюрпризов не люблю. Мне их днем хватает.

В трубке послышалось что-то наподобие смеха. Лично Туманов сейчас не разделял веселого настроения лейтенанта Ваняшина и потому сказал со всей строгостью, какой позволял его чин:

– Лейтенант, ты хотя бы знаешь, который сейчас час, чтобы вот так хохотать? Между прочим, сейчас ночь, – напомнил Федор.

– Не обижайся, Николаич, – услышал Туманов уже другой голос лейтенанта. – А развеселился я вот почему. Помнишь ту красную «пятерку» капитана Чикина?

Федор почувствовал внутри какое-то необъяснимое напряжение.

– Ну, – ответил коротко.

– Так вот эта машина стоит у тебя возле дома, под окнами твоей спальни.

Туманов не поверил, влетел в спальню с трубкой в руке, выглянул в окно. И даже не понял, радоваться ему или огорчаться. Красный «Жигуленок» и в самом деле стоял под окнами.

– Я сейчас спущусь, – пообещал он Ваняшину и, отключив телефон, кинулся в прихожую.

– Федор, ты куда? Ночь ведь, – кутаясь в халат, проговорила Даша, появившись в прихожей и наблюдая за тем, с каким проворством муж надевает ботинки и не собирается их даже зашнуровывать.

– Дашка, ты ложись. Я сейчас, через пару минут вернусь.

– Федор, да что случилось? – настойчиво допытывалась Даша. Но ее вопрос так и остался без ответа.

Федор выскочил на площадку. Даша сердито захлопнула дверь, ругая чумового мужа.

Ваняшин стоял возле своей белой «девятки», припаркованной метрах в десяти от красного «Жигуленка». Туманов подошел.

– Ох, Леха, если б ты знал, какое мероприятие у меня сорвалось, – посетовал майор, не зная, журить ли лейтенанта, или хвалить. Сошелся на середине.

Но, похоже, самому Ваняшину похвала майора не требовалась.

– Я от девчонки своей ехал, – начал он объяснять. – Проезжаю мимо твоего дома и глазам своим не верю. Мы эту машину ищем, с ног сбились. А она стоит тут, у тебя под окошечком.

Федор призадумался. Уж слишком подозрительным показалось ему это. Такое впечатление было, что кто-то словно нарочно поставил эту машину тут. Об этом Федор поделился с лейтенантом. Но, как оказалось, Ваняшин был другого мнения.

– Да ерунда, Федор Николаич. Может это чистейшее совпадение, и тот, кого мы ищем, временно поселился тут, с тобой в одном доме. Или женщина у него тут. Такое может быть? – высказался Ваняшин.

На что Федор возразил:

– Лейтенант, думаю, ты забываешь, с кем мы имеем дело. А, вообще, не мешало бы осмотреть машину.

Лейтенант согласился.

– Сейчас осмотрим, – сказал он, подходя и берясь за ручку водительской двери. – Во, да тут и дверь открыта. Не, Николаич, мужик явно к бабешке торопился. Даже дверь путем не закрыл. У меня так тоже бывает, когда очень спешу. – Лейтенант уже хотел открыть дверь, но Федор крикнул:

– Стой!

Рука Ваняшина замерла на ручке, так и не потянув за нее.

– погоди, не открывай, Леша. Сдается мне, тут что-то не так.

Ваняшин расценил предостережение Туманова, как обыкновенную мнительность и спросил:

– Ты чего, Николаич? Я только хотел посмотреть в салоне. Может, документы, какие остались. А так что нам, до утра тут дежурить? Ждать, пока водитель выйдет?

Туманов подошел к двери.

– Знаешь, даже если придется проторчать тут неделю, я сделаю это. Поверь, это лучше, чем оказаться в гробу.

Ваняшин многозначительно хмыкнул. Раньше подобной трусости не замечал за майором. Неужели их старшой надломился? Не рановато ли?

Федор достал из кармана трубку сотового и, набрав номер оперативного дежурного по управлению, попросил прислать сюда специалистов по обезвреживанию взрывных устройств.

Часа через полтора к ним подъехал фургон, «Уазик» серого цвета, из которого вылезли трое в пятнистых камуфляжах.

– Старший группы, капитан Шебалкин, – представился небольшого роста мужичок, похожий на худенького подростка.

Пожимая ему руку, Федор обратил внимания, что пальцы у капитана Шебалкина были как у хорошего пианиста или вора карманника, тонкие и гибкие, и Туманов даже забеспокоился, не вывихнуть бы ему суставы. Но к счастью, этого не произошло. Пальцы хоть и были тонкими, но оказались очень жилистыми.

– Ну, чего тут у вас, майор? – деловито спросил Шебалкин.

Федор кивнул на авто.

– Машинку бы эту проверить на предмет взрывчатки. Она у нас проходит по двум взрывам. Ну и вообще, предчувствия у меня... – признался Туманов, опасаясь насмешки со стороны Шебалкина, не договорил до конца.

Но насмешки от капитана Шебалкина не последовало. Более того, капитан сделался, крайнее серьезен и проговорил с долей определенности:

– Это хорошо, что предчувствия. Предчувствиям своим надо доверять. Особенно при нашей работе, – почему-то свел он сказанное Федором на свой лад. Но Туманов возражать не стал. В конце концов, каждый тянет одеяло на себя.

– На всякий случай попрошу вас, – обратился он к майору Туманову, потом посмотрел на Ваняшина, – и вашего молодого напарника отойти за угол дома. – Но пока еще Туманов не ушел, Шебалкин уточнил: – Что вам в этой железке показалось подозрительным, майор?

Федор обернулся к саперам окружившим красный «Жигуленок».

– Дверь. Левая передняя дверь не закрыта. Разве так бывает? Обычно каждый водитель, прежде, чем оставить свое авто, запирает двери. А тут дверь даже не прикрыта до конца. Это очень бросается в глаза. Мне кажется, это сделано нарочно, в расчете на соблазн открыть ее.

Шебалкин призадумался, но не надолго. Видно он не пришел мысленно к какому-то логическому объяснению, сказанного майором Тумановым, поэтому сказал:

– Ладно, сейчас посмотрим. А вы все-таки отойдите подальше.

Федор, а вслед за ним и Ваняшин, отошли, но не за угол, как того требовал Шебалкин, а за фургон саперов, стоящий метрах в десяти от «пятерки».

Для начала, Шебалкин тщательно осмотрел «Жигуленка» снаружи, не забыв заглянуть под днище машины, подсвечивая себе ярким фонариком. Закончив наружный осмотр, громко сказал Туманову:

– Снаружи ваша железка оказалась чистой.

Это означало, что под днищем машины, а также под крыльями, взрывчатки не обнаружено.

– Сейчас посмотрим внутри салона, – с этими словами Шебалкин стал светить мощным фонарем внутрь «пятерки». Но и там ничего подозрительного не заметил. И даже, как показалось Федору, заскучал. Как видно, сапер капитан привык к острым ощущениям и теперь испытывал недостаток адреналина в крови. Но незапертую дверь он открывать не стал. Зайдя с правой стороны, он подошел к передней двери и посветил на стекло, после чего один из помощников принес ему предмет, похожий на металлическую линейку. Этим предметом Шебалкин попытался опустить стекло в двери машины. С третьей попытки, ему это удалось, и когда образовалась не большая щель, Шебалкин подозвал своего помощника, который выглядел намного здоровше капитана и как видно обладал силушкой, и тот, просунув в щель пальцы, с силой надавил на стекло, опустив его до конца.

– Спасибо, Игорек, – поблагодарил Шебалкин помощника. – Порядок. – Он осторожно втиснулся едва ли не до пояса в салон «Жигуленка», потом вылез и крикнул Туманову: – Майор, а вы оказались правы. Железяка эта нашпигована гранатами. Целых три штучки лежат под водительским сиденьем и с полдесятка тротильных шашек. Предохранительные кольца каждой гранаты связаны тонкой проволокой с дверью. Стоило бы открыть дверь и вам оторвало не только яйца, но и костыли, – пошутил он. – Так что считайте, майор, что вы в рубашке родились. Сейчас я проволочку отрежу, и можете забирать свою железку, – сказал Шебалкин, достав из кармана куртки блестящие, как у хирурга щипчики и открыв дверь, взгромоздился на сиденье.

Туманов посмотрел на Ваняшина и не узнал того, так лейтенант переменился в лице. Потому что в первую очередь все сказанное Шебалкиным относилось к нему. Ведь это он собирался открыть дверь, и только теперь лейтенант до конца осознал, что было бы с его нижней частью тела, не останови его во время Туманов.

– Во, бя, – растерянно буркнул Ваняшин, уставившись обезумевшими от страха глазами на майора Туманова.

– А хоть, бя, хоть голубчик. Просто всегда надо слушаться старших, – как бы, между прочим, заметил на это Федор Туманов.

– Николаич, спасибо тебе. Ты мне жизнь спас.

– И от позора, – шутливо дополнил Туманов, чтобы вывести Ваняшина из невроза. – Ну сам подумай, кому бы ты стал нужен без яиц?

Ваняшин хихикнул, но сделал это так, как если бы его заставляли смеяться силком, при этом отчаянно колотя по спине.

Капитан Шебалкин вылез из машины, держа в руках три гранаты, связанные проволокой. Потролом достал тротильные шашки.

– Ничего особенного. Профаны работали. Расчет был на открытие двери. Внизу к ней привязали эту проволоку. Если б дверь открыли, гранаты бы сдетонировали. Так что, хлопцы, вам повезло. Ну теперь можете забрать железку, – эти слова капитан проговорил так, как может сказать врач после операции, не желающий обременять себя такой мелочевкой, как стягиванием швов на разрезе. Даже двери машины он закрывать не стал, предоставляя сделать это Туманову с Ваняшиным.

Но ни тот, ни другой, не спешили усесться за руль «Жигуленка».

Шебалкин усмехнулся.

– Да вы чего, ребята? Я ж вам сказал, что все пучком. Не бойтесь, заводите мотор. Ну хотите, я еще под капотом гляну? – спросил сапер, насмехаясь над тем, как напуганы опера.

– Очень хотим, – признался Туманов.

Шебалкин открыл капот «Жигуленка» и вдруг лицо его приняло замысловатое выражение.

– Что-то не так, капитан? – заметив это, спросил Туманов.

Шебалкин почесал за ухом.

– Да, кое-что не так. Под капотом оказывается, еще одна штукенция установлена. Грамм этак на триста в тротильном эквиваленте и соединена с замком зажигания. Представляю, каких был дел тут наворотила эта штукенция, поверни кто-то из вас ключ в замке зажигания.

Федор улыбнулся.

– Нам повезло, потому что ключа у нас нет.

– Есть, – ответил Шебалкин. – Я нашел его в бардачке и уже сунул в замок зажигания. Оставалось только повернуть.

Федор едва не вздрогнул от сказанного сапером. А Шебалкин не теряя самообладания, со скучным лицом заметил:

– Что ты хочешь, майор? Бывает, и сапер ошибается. А вообще, я был не прав, говоря, что это дело рук профана. По всему видно, тут работал профессионал, и делал все так, чтоб уж наверняка.

– С двойной подстраховкой, – заметил на это Ваняшин.

Шебалкин без интереса посмотрел на гиганта Ваняшина, который был выше его ростом, чуть ли не вдвое, и сказал:

– Можно сказать и так, – сказал он и, попросив своих помощников посветить ему, осторожно притронулся к проводкам, подсоединенным к взрывчатке.

Глава 7

Утром, узнав от Туманова о ночном происшествии, которому подверглись они с Ваняшиным, Грек возмутился, почему его не вызвали.

– И хорошо, что тебя не было с нами, – со смешком отреагировал Ваняшин на возмущение Грека. – Ты бы уж точно дверь открыл. И тогда бы мы собирали твои яички по всей Тверской, – подшучивал лейтенант над Греком.

– Дурачок ты, Лешка. Лучше о своих шарах подумай. Когда-нибудь девки тебе поотрывают их лучше всякой взрывчатки. – Говоря так, Грек надеялся, что Туманов будет солидарен с ним, но Федор сидел, о чем-то глубоко задумавшись. И глянув на него такого, Грек спросил:

– Николаич, ты чего в облаках летаешь? Молчишь, все и молчишь.

Федор посмотрел на Грека.

– Да вот думаю.

– О чем? Как наш Леша, вражина, чуть вас обоих бездетными не оставил? – хихикнул Грек. Но Федору было не до смеха.

– Странно немного... – проговорил Федор.

– А чего тут тебе странного? – похоже, Грек сейчас не собирался обременять себя глубокими размышлениями. – Ничего странного нет.

Федор возмутился такой трактовке капитана.

– Говоришь, нет? И тебя не интересует, как и откуда те, кого мы ищем, могли узнать мой адрес? Или ты хочешь сказать, что машина, нашпигованная гранатами и тротилом, случайно появилась под окнами моей квартиры. Нет, Грек, ты не прав. Тот, кто оставил ее там, знал, что мы ищем эту машину. И расчет был на то, что, увидев ее, я как дурачок, сломя голову, кинусь, открою дверь, а дальше случится то, что было задумано ими.

Грек присмирел. Даже сигарету не решился вытянуть из майорской пачки.

– Все было заранее рассчитано и просчитано, – сказал Туманов.

Теперь призадумался и сам Грек, находя, что майор Туманов прав, и он скроил такую умную физиономию, что, глядя в это усатое лицо, его с легкостью можно было принять за настоящего гения сыскного дела. И даже Леша Ваняшин, глянув на его физиономию, не посмел потревожить Грека своими подколами.

– Пока остается не понятным, кто те люди, с которыми мы пытаемся бороться. Террористы фанатики, готовые сложить голову за идею, или марионетки, которыми управляют политиканы? И пока мы не выясним это, мы их не найдем, – в задумчивости констатировал майор Туманов.

– Во всяком случае, на шпану, решившую сводить счеты, они не тянут, – заметил на это Ваняшин, чем здорово развеселил капитана Грека. Тот даже сокрушенно покачал головой.

– Леш, ну ты меня удивляешь, – сказал Грек и тут же добавил: – Ты уж если чего скажешь, то, как в лужу пернешь. Ну, какая это тебе шпана. Братва такими делами не занимается.

Ваняшин зыркнул глазами на усатого капитана и не пощадив его самолюбия, сказал:

– Может в твоей умной голове, есть какие-то предложения?

Грек, не ожидавший таких нападков от приятеля Лехи, скроил обиженную физиономию. Самого же Ваняшина посчитал откровенным хамом, каких свет не видел.

– У меня, нету. Работать надо, искать, – проговорил он нерешительно, потому что сам плохо представлял, а точнее не представлял вовсе, где искать, а главное, кого. Со смертью Пшеянца, следствие зашло в тупик. В руках оперов было немного: заключение экспертизы и парочка, тройка следов, оставленных в квартире убитого. Вот и все.

По факту смерти капитана Чикина прокуратура и вовсе не стала возбуждать уголовное дело, посчитав происшедшее с ним, как по собственной неосторожности. Туманов не сомневался, что решающую роль тут сыграло заключение патологоанатомической экспертизы, где утверждалось, что капитан был в сильной степени опьянения.

Но будучи довольно хорошо знакомым, с Чикиным, Федор Туманов готов был утверждать кому угодно, что капитан никогда не напивался. Он почти вообще не пил. И вдруг, напился. На это Чикина могли подтолкнуть только две причины: или молодая жена, об измене которой ему стало известно, или... Впрочем, о второй причине Туманов пока решил не думать, пока отработать первую. И для этого у Туманова было вполне оправданное основание. При осмотре квартиры Пшеянца, майор решил прослушать все сообщения оставленные на автоответчике. И одно из них Федора очень заинтересовало.

– Знакомый голосок. Неправда ли? – сказал Туманов своим помощникам, вынимая из автоответчика кассету с записью.

В кабинете они втроем еще и еще прослушали запись, после чего Туманов сказал:

– Это голос супруги капитана Чикина.

Грек не мог сдержать нахлынувшего возмущения:

– Вот бледешка. Выходит, она путалась с этим крокодилом Пшеянцем? У, лярва. Мужа капитана, променяла на какого-то пройдоху. – Грек брезгливо плюнул на пол, за что Федор сделал ему замечание.

– Да я, Николаич, просто так не могу сдерживать свои эмоции, – сказал Грек в свое оправдание. – Это чего получается, Чикин на тот свет ушел из-за нее? – высказал вслух он свои предположения. К женской неверности Грек относился болезненно, пережив подобное на себе, когда его жена вдруг взяла да и ушла от него, и вот уже больше десяти лет капитан жил один. Кто знает, скольких сил потребовалось Сан Санычу пережить такой удар. А теперь стало обидно за коллегу по работе. Все-таки, они с Чикиным работали в одном управлении и даже частенько встречались в его коридорах.

Поэтому Грек изъявил настойчивое желание к вдове капитана пойти вместе с майором.

– Я этой стерве в глаза хочу взглянуть. Уж я ее выведу на чистую воду, – постучал он пальцем по столу. – Не таких выводил.

Федору пришлось уступить, с одним лишь единственным условием:

– Чтобы у меня без грубостей, – строго настрого предупредил Туманов. На что Грек не упустил тут же возмутиться, заверяя майора в своей железной выдержке.

– Николаич, ты ж меня знаешь, – не стал скромничать Грек.

– Знаю, – кивнул Федор. – Потому и говорю, язык свой не распускай.

Греку было, отчего призадуматься. Ну как тут вести допрос, когда майор рта раскрыть не дает. И Сан Саныч решил молчать. Раз майор считает, что он первая скрипка в оркестре, пусть говорит он. Но до поры до времени. Если что-то у майора не заладится, то Сан Саныч уж не сплхует, и тогда никто не заставит его молчать. Он скажет свое слово, отчего этой стерве, вдовушке, мало не покажется.

Дверь им долго не открывали, но Грек проявил настойчивость и не убирал палец с кнопки звонка.

– В квартире кто-то есть, – объяснил Грек. – Я слышал шаги.

Федор прислушался. Лично он ничего не слышал, но спорить с Греком не стал. Особенно после того, как послышался щелчок замка в двери.

– Вот видишь, – шепнул Грек с долей бахвальства. – Кто из нас был прав? – Важно надулся он.

Ответить Федор не успел. Дверь открылась. Алла Чикина стояла перед ними в длинном халате, с мокрыми волосами и полотенцем в руке. Увидев Туманова с Греком, несколько удивилась их приходу.

– Вы? Признаться не ожидала, – она пожала плечами, как бы давая понять, ну о чем еще можно говорить, тем более, что в гости оперов она не приглашала.

– Мы, – улыбнулся Федор, стараясь казаться приветливым. По крайней мере, вот так с порога наседать на несчастную вдову не стал, что, конечно же, не понравилось Греку. Увидев в глазах женщины недоумение по поводу их прихода, капитан решил все расставить на свои места.

– Мы к вам пришли, потому что вы в прошлый раз не все рассказали Федору Николаичу, – произнес Грек холодным официальным тоном.

Алла Чикина взглянула на Грека, потом на Туманова, как бы спрашивая у майора, кто этот черноглазый усатый нахал.

– Это – капитан Греков, – представил Федор своего помощника.

Женщина кивнула без особого удовлетворения. Похоже, усатый капитан Грек ей не показался.

– Так что вас интересует? – спросила она, не горя желанием впускать оперов в квартиру. Особенно этого усатого нахала. – Мне пришло официальное уведомление по поводу смерти мужа...

Федор кивнул, все с той улыбочкой.

– Мы знаем. Но нам хотелось бы получить от вас некоторые разъяснения вот по этому, – Туманов достал из кармана диктофон, включил его, предоставляя возможности вдове прослушать запись, оставленную на автоответчике.

– Идиот, сними трубку. Я знаю, что ты дома, – проговорил женский голос из диктофона. При этом Алла Чикина несколько не сомневалась, что оперативники узнали, что это говорит она, потому и приехали.

Хитрющий Грек уставился на женщину своими черными, как угольки глазенками и спросил:

– Как вы думаете, кому принадлежит этот голос?

Женщина взглянула в глаза Греку с невозмутимым спокойствием.

– Перестаньте юродствовать. Вы прекрасно знаете, что это мой голос. Иначе, зачем бы вам тут быть. Так ведь?

Туманов скрывать не стал.

– Именно, так, – сказал он.

Женщина раскрыла широко дверь.

– Проходите в комнату, – проявила она вынужденную любезность.

Грек первым ворвался в квартиру, потеснив Туманова. Войдя в комнату следом за Аллой Чикиной, он протопал по ковру в своих грязных ботинках и уселся на диван. Федор Туманов скромно занял стул, стоящий возле двери. Сама же хозяйка квартиры села в кресло, стоящее в углу. Комкая в руках влажное полотенце, она опустила глаза на ковер, где остались следы от ботинок Грека и как можно сдержанней, сказала:

– Вас ведь интересуют мои отношения с Артуром? Не так ли?

Туманов с Греком переглянулись, и Грек незаметно подмигнул майору. Это означало, что пока все шло так, как надо.

Туманов этого отрицать не стал. Хотя на самом деле майора интересовало не только это, но и кое-что другое. Но пока он решил остановиться на первом. Потом дойдет черед и до другого.

Алла невесело улыбнулась. Взяла со стеклянного столика, стоящего рядом с креслом пачку сигарет, закурила.

Грек сунул руку в карман своего помятого пиджака, который он носил как минимум лет десять и достал пачку «Явы». Туманов взглянул на него неодобрительно, но Грек сделал

вид, что не заметил этого неодобрения. Но чтобы уж окончательно не разочаровать майора, спросил у Чикиной:

– Вы позволите? – показал он сигарету.

Женщина проявила великодушие. А может, ей сейчас было на все наплевать, и она махнула рукой.

– Курите, если хотите.

Федору тоже захотелось закурить, но он воздержался, решив потерпеть, искоса поглядывая на бесцеремонного Грека. Пепел тлеющей сигареты падал Греку на пиджак и на покрывало, которым был застелен диван. Похоже, Грек сейчас слишком увлекся и на такой пустячок просто не обращал внимания. И Туманов в очередной раз пожалел, что взял капитана с собой. Было б лучше оставить его в машине с Ваняшиным.

– И так, мы готовы вас выслушать, – проговорил Грек, забывшись и в очередной раз легонько пристукнув мизинчиком по концу сигареты, тем самым сбив пепелок.

Федор вздохнул, наблюдая за этим поступком своего помощника.

Глава 8

Алла Чикина прекрасно помнила, с чего начались их отношения с Артуром Пшеянцем. В тот день, у нее, участкового терапевта, было полно вызовов. Время приближалось к концу рабочего дня, а она голодная и усталая еще бегала по этажам.

Последним из ее пациентов оказался молодой мужчина лет тридцати по фамилии Пшеянц. Выбиваясь из сил, Алла поднялась на третий этаж старенькой «хрущевки» и позвонила в квартиру под номером семьдесят пять.

Дверь ей открыл сам Пшеянц.

– Врача на дом вызывали? – задала Алла традиционный в подобных случаях вопрос.

– Да, да. Проходите, – ответил он, и в буквальном смысле схватив ее за рукав замшевой куртки, едва ли не силком втянул в прихожую.

С подобным обращением ей еще не приходилось сталкиваться.

– Послушайте...

Но он, похоже, слушать ни о чем не хотел. И Алла возмутилась такой бесцеремонности, переходящей в свхрнаглость.

– Да отпустите вы меня, в конце концов, – гневно проговорила она.

Он отпустил ее рукав, рассматривая молодого врача, как некий предмет, который бы он с удовольствием хотел купить.

– Где больной? Кто вызывал врача? – спросила Алла, повнимательней приглядываясь к молодому мужчине. Краем глаза она успела заметить в приоткрытую дверь кухни стол, уставленный тарелками с нарезанной колбасой, сыром и консервами. И от увиденного у нее потекли слюнки, потому что пообедать сегодня не пришлось.

– Я больной, – сказал мужчина, и смущенно улыбнувшись, добавил: – И врача вызывал тоже я.

Хоть она была и не сторонник таких методов, но сейчас Алла почувствовала огромное желание наругать этому шутнику. Ничем другим, по ее мнению его порыв вызвать на дом врача, не обусловлен.

Едва глянув на этого жеребца профессиональным взглядом, она определила, что Пшеянц нисколько не болен.

– Да как вы такое могли себе позволить?... Меня ждут больные, а вы?

Похоже, ее упреки оказались для него, как мертвому припарка. И он ничуть не смутившись под ее гневным взглядом, схватил Аллу за руку и силком повел в комнату.

Ярко горящая люстра, на миг ослепила Аллу. Она зажмурилась, не заметив, как приоткрылась дверь соседней комнаты.

– Что такое? Вы сумасшедший? Тогда вас надо лечить в психушке. Отпустите, мне больно руку. Я сейчас закричу, – решительно произнесла Алла.

– Не надо кричать, – раздался рядом голос.

Алла обернулась и увидела еще одного мужчину, выходящего из соседней комнаты. И ей стало страшно. Боже, неужели это маньяки? Недавно слышала на улице разговор двух женщин, Одна рассказывала другой о каком-то сумасшедшем, который заманивает молодых девушек под разными предложениями к себе домой, насилует их и убивает. И что, якобы, в местном отделении милиции уже имеется несколько заявлений об исчезновении этих девушек. Тогда Алла не поверила болтушкам. Всегда считала себя человеком серьезным, вдумчивым и что подобного с ней никогда не случится. И вдруг такое.

– Что вам от меня надо? – спросила она, не теряя выдержки. В конце концов, безвыходных ситуаций не бывает. Возможно, и из этой она сумеет выпутаться.

– А как вы думаете, что нужно мужчине от хорошенькой женщины? – спросил тот, второй.

Алла сразу сообразила, что главным в этом дуэте является он, а не Пшеянец. А еще она призадумалась о том, что вызов ее был осуществлен на адрес Пшеянца. В поликлинике это осталось зафиксировано. И если они оба не дураки, то должны понять, чем это для них грозит.

– Меня будут искать. И вас посадят за убийство, – проговорила она.

Пшеянец промолчал, как, видно обдумывая сказанное ею, а тот второй, рассмеялся.

– А кто тебя будет убивать? Кому это надо? – весело сказал он.

Алла посмотрела на него растеряннo, стараясь на всякий случай запомнить его лицо.

– А что же вам, в таком случаи, надо?

Все с тем же идиотским смехом он приблизился, для начала вырвал из ее левой руки портфель, швырнул его на пол.

– Эй, поосторожней, – воспротивилась Алла такому обращению. Но ее возмущение осталось не услышанным.

– Для начала нам надо тебя раздеть, – сказал тот, второй. – Страсть как люблю смотреть на голых баб. Сама скинешь одежду, или тебе помочь? – спросил он у Аллы, и, видя, что согласия от нее не дождешься, решил не тратить зря время. Почти рывком стащил с Аллы курточку, едва не оторвав пуговицы.

Алла попыталась вырваться, но скоро поняла, что это безнадежно. Оставалось одно, закричать. Хотя это, наверное, довольно глупо с ее стороны. Вряд ли это поможет. Но она все-таки решила попробовать:

– Помогите!

Это оказалось первое и последнее, что она сумела прокричать, потому что тут же получила довольно сильный удар кулаком по животу и кричать уже не могла. Только как рыба выброшенная на берег, хватала ртом воздух, чтобы не задохнуться, при этом, повинаясь всему тому, что с ней вытворяли.

Сначала ее раздели и уложили на кровать.

Алла и это восприняла безропотно, наблюдая за тем, как Пшеянец тоже стал раздеваться, а тот, второй, достал маленькую видеокамеру и, направив объектив на Аллу, включил ее.

Алла отвернулась, за что чуть не получила еще один удар.

– Смотри сюда и улыбайся, если не хочешь, чтобы тебя били, – пригрозил тот второй с видеокамерой в руках.

Пришлось подчиниться, хотя с улыбкой не получилось, но это ничуть не огорчило второго жеребца. Он зашел сначала с одной стороны, потом с другой. Видя, что Алла ведет себя скованно, рыкнул на нее:

– Расслабься, дорогая, и слегка раздвинь ножки. Я хочу видеть твою пушистую красавицу. Особенно губки, как они набухают, в приливе возбуждения. Ну же, – приказал он.

Алла чуть раздвинула ноги, отчего снимавший ее на видеокамеру жеребец произнес восхищенно:

– Вот, вот. Так лежи. Какая прелесть. Сейчас мы запечатлим твою половую щель. Замечательно. Вот, хорошо, – похвалил он Аллу, которая понемногу стала осваиваться с ролью секс модели, а потом обратился к стоящему за его спиной Пшеянцу: – Артур, а теперь ты. Давай, засади ей по самые помидоры, чтобы она завертелась.

Только сейчас Алла заметила, что Пшеянец стоит совершенно голый. Скользнув взглядом по его мускулистому телу, она задержалась на его огромном члене. Никогда не думала, что у мужчин могут быть такие. И заерзала по кровати, прижимаясь к стене, при этом охая так, будто сам половой процесс уже начался и был в самом разгаре.

Пшеянц прыгнул на кровать, навис над Аллой и она еще раз ужаснулась размерам его гиганта, которого ей было суждено сполна ощутить в себе.

Когда она почувствовала, как он входит в нее, распирая внутренние органы, то чуть не потеряла сознания. Что-то кричала при этом, о чем-то умоляла. В этот момент всего и не помнила, потому что сначала было очень больно. И только потом, она стала визжать от удовольствия, царапая своему насильнику спину.

Она не могла сказать, сколько времени продолжался этот безумный секс. Последние пять лет, со своим стареющим мужем, капитаном Чикиным, ничего подобного у них давно уже не было.

Она лежала на кровати точно в отключке, тихонько постанывая, безумными глазами уставившись в одну точку в потолке. Не сопротивлялась, когда тот, второй, отложив камеру, быстро разделся и, завалившись на постель, присоединился к ним третьим.

Алла не возражала. Да никто и не собирался ее спрашивать. Тот второй, оказался в сексе еще более изощренным, и Алла испугалась, что не выдержит такого темпа. Все-таки, двое голодных мужчин. Вот счастье привалило, сразу два мужика. Радоваться бы, но Алла чувствовала, за всем этим что-то кроется, и затащили ее сюда, не только для того, чтобы поразвлечься с ней. Других баб, что ли мало? И получше нашли бы. Но они выбрали именно ее, зачем?

Об этом она узнала потом.

* * *

Алла Чикина замолчала. Обо всем, что с ней произошло в квартире Пшеянца, она рассказывала в таких подробностях, что сидевший с приоткрытым ртом Грек, даже позабыл о сигарете, которую держал между пальцев как бесполезную.

Видя, что Алла призадумалась, Федор спросил:

– И что было потом?

– Потом? – переспросила женщина.

Грек вышел из оцепенения.

– Да, – сказал он. – Нам бы хотелось знать, что было дальше. – Суля по лицу Грека, ему хотелось побольше интимных подробностей.

Женщина взглянула на него и горько усмехнулась, так до конца и не поняв, что больше интересовало усатого капитана, моральная сторона всего того, что случилось с ней, или же аспект в другом и Грек заботиться о деле, ради которого они с майором пришли сюда. Не прояснив для себя это до конца, она сказала с грустью:

– Я знала, что просто так, это не кончится.

– Вы это к чему? – спросил Туманов.

Женщина обречено махнула рукой.

– После этой встречи, у нас с Пшеянцем были еще постельные свидания. Неудовлетворенность в постели с мужем, я компенсировала в постели с Пшеянцем. Любовником его называть не хочу. Для меня он был чем-то вроде машины для удовлетворения сексуальных потребностей. Мне даже пришлось сделать пару абортов от этой скотины.

– А почему он, скотина? – не удержался Туманов от вопроса, чем в некоторой степени удивил женщину. И она сказала, не скрывая злости:

– Потому что поступил со мной по-скотски. Я тогда еще не догадывалась, что за всем этим кроется, их коварный замысел. И только потом поняла. Как-то раз, тот второй, который трахал меня с Пшеянцем у него на квартире, пришел к Пшеянцу домой. Пшеянц привел меня к себе. Ну, конечно, дело дошло до постели. И вдруг приходит этот, второй. Я перепугалась. С меня одного Пшеянца во как, – провела Алла наманикюренным пальчиком по лебединой

шее. – Думаю, затрахают вдвоем, как тогда, так что до дома дойти не смогу. Смотрю, нет. Серьезный он такой. Сели за стол, выпили по рюмке коньяку, и он мне предложил, чтобы я уговорила мужа, продать Пшеянцу нашу старую машину. Я как-то сдуру сболтнула Пшеянцу, что муж купил новую машину, а эту собирается продать. Ну, я уговорила. Представила Пшеянца, как знакомого врача нашей поликлиники. Муж оформил на него доверенность. Я думала на этом все и закончится. Черт с ней с машиной. Разве в ней счастье. Я даже стала всячески избегать встреч с Пшеянцем. Но он знал, как меня достать. Звонил в поликлинику и вызывал врача на дом. И мне волей неволей приходилось идти к нему.

Федор уже стал догадываться, для чего Пшеянец и его знакомый решили использовать жену капитана Чикина. Откровенно говоря, они сполна попользовались ею, и попользовались неплохо.

– Не думаю, что вы понадобились Пшеянцу только для сексуальных радостей, – как бы, между прочим, заметил Федор. И женщина согласившись с майором, охотно кивнула.

– Ну разумеется, нет. Правда, я тогда сама еще толком ничего не понимала, – на минуту Алла Чикина замолчала, собираясь с мыслями, и потом продолжила, стыдливо отводя глаза от глаз Федора Туманова. Сейчас она признавалась майору в своих грехах. Мужу признаться не могла. А совесть мучила. И она старалась сполна выговориться, при этом испытывая огромное облегчение. И потому не молчала, охотно отвечая на все задаваемые ей вопросы.

– Помните, месяц назад, гаишники задержали грузовик, в кузове которого под мешками с луком, были ящики с тротилом? – спросила женщина, пытливо глянув на майора, потом на усатого Грека.

Федор слышал что-то такое, но к своему стыду не знал деталей этого задержания. А вернее, не было для майора такой необходимости, вдаваться в подробности. По управлению тогда прошел слухок, что гаишники вместе с ребятами по борьбе с незаконным оборотом оружия задержали грузовик со взрывчаткой. Но грузовик тот Федор не видел. Его отогнали куда-то. А потом стало известно, что к делу подключилось управление ФСБ, изъяв все материалы этого задержания.

– Ваш муж, капитан Чикин, участвовал в задержании этого грузовика, – сказал Туманов. Алла кивнула, давая понять, что майор прав.

– И не только участвовал, – тут же дополнила она сказанное Тумановым. – После задержания, грузовик отогнали в один из гаражей на окраине Москвы. В какой именно, об этом знал только муж, ну и несколько ребят из его отдела. И вот тогда Пшеянец мне позвонил в поликлинику и велел срочно приехать к нему. Я еще толком не понимала, к чему такая спешка. Подумала, неужели у него опять ялда зачесалась. Приехала, смотрю, а кроме самого Пшеянца в комнате сидят еще трое. Тот второй, который тогда снимал секс на камеру и с ним двое кавказцев.

– А как вы узнали, что это кавказцы? – усмехнулся Грек. – Они вам что, паспорта предъявляли. Или у них на мордах написано было?

Женщина с отдаленной неприязнью посмотрела на Грека. Вопрос капитана показался ей до противного наивным, рассчитанным на простачков.

– Нет, паспорта они мне, конечно же, не показывали. А вот лица у них, между прочим, и в самом деле выдают национальность. А еще – этот акцент. Ни с каким другим его не спутаешь.

– Дети гор? – дополнил Грек.

Алла Чикина подумала и пожала плечами.

– Не знаю. Возможно. Так вот один из этих джигитов, тот, что снимал секс на камеру, я так поняла, что он был в этой компании главным, стал уговаривать меня, чтобы я выведала у мужа, где находится грузовик. Я удивилась. По телевизору сказали, что в нем около трехсот килограммов взрывчатки. Спросила, зачем он им. Они рассмеялись. И тот, который снимал

секс на видеокамеру, сказал, что они хотят устроить фейерверк. Потом пригрозил, если я не узнаю, то они передадут видеокассету мужу.

– И как вы поступили? – спросил Федор.

Женщина подняла на него печальные глаза.

– А разве вы не поняли? Ведь мужа теперь нет.

– Так они, все-таки, показали ему кассету? – не удержался Грек от вопроса, хотя в подлости тех людей и не сомневался. Легко было понять, такие ни перед чем не остановятся, а уж в таком маленьком пустяке и вовсе.

– Я не знаю каким образом она попала в руки к мужу. Но вечером он пришел домой взбешенным, потребовал объяснений. Я рассказала все, от начала до конца. В ногах валялась, доказывая свою невиновность. Но, похоже, все мои клятвы и заверения не дошли до него. А ведь я ему никогда не изменяла. До этого случая. Восемь лет мы прожили душа в душу и вот. – Алла замолчала, глазами полными слез глядя на портрет мужа висевший на стене. При жизни он ее так и не простил за то, что случилось, так может хоть мертвый простит.

– Так как, по-вашему, может, капитан Чикин не сам погиб, а ему помогли в этом? – задал Федор вопрос, который откладывал напоследок. Видя, что женщина на грани нервного срыва. По-человечески, ему было жаль жену капитана Чикина. По воли обстоятельств она попала в нехорошую историю. По своему опыту Федор знал, иногда бандиты, чтобы подбросить к нужному следователю, поступают, таким образом, как поступили с Аллой Чикиной. Но шантаж не получился. И майор был уверен, что в этом случае, бандиты поступили подобающим образом: они просто убрали Чикина, который им стал опасен.

От вопроса майора Туманова женщина нервно передернула плечами, и ее печальные глаза наполнились леденящим страхом, который она решила не показывать Туманову с Греком. Отвернулась.

– Вполне допускаю это. Неделю до смерти, мы с мужем почти не разговаривали. А тут я смотрю, он куда-то собирается. Спросила, он ответил, что едет на рыбалку. Ну думаю, не иначе, как любовницу завел, в отместку мне. Отговаривать не стала. А только когда он отъезжал от дома, вижу, за ним поехал темно-зеленый «БМВ».

На этот раз Грек не смог спокойно усидеть на диване, заерзал, скомкав своей задницей покрывало.

– И вы об этом никому не сказали? – спросил он, возмущенный ее молчанием. Оно казалось Греку ничем иным, как предательством.

– А меня кто спрашивал? – с обидой ответила женщина. – Мне выдали на руки вот эту бумажку, – она чуть привстала, отчего полы халата разошлись, и Грек увидел ее узенькие ажурные в кружевах трусики. – Вот. Это заключение о смерти мужа. И все. – В сердцах супруга капитана Чикина бросила лист, но он упал не на стол, а на пол. Поднимать его она не стала.

У Грека больше не нашлось слов для обвинения. И воспользовавшись тем, что усатый капитан заткнулся, Федор Туманов спросил:

– Скажите, кроме Пшеянца вы никого из тех людей не знаете по именам, фамилиям? И если можно, то, пожалуйста, приметы и как можно поточнее.

Женщина призадумалась, но не надолго.

– Того, который снимал секс на камеру, Пшеянец называл Рустамом, – вспомнила она.

Федор записал его имя, а заодно и приметы, а Грек, вздохнув, сказал:

– Если бы на всю Москву этот Рустам оказался в единичном экземпляре. А то их вон сколько. Куда не плюнь, в Рустама попадешь.

Федор Туманов был настроен более оптимистично.

– Ничего. Зато теперь у нас есть приметы.

Грек на это усмехнулся.

– Ага. Бороды, усы и горбатые носы. Тоже мне приметы.

Федор не понял, с каким смыслом это все было сказано Греком, и тут же обратился за разъяснениями, спросив:

– Ты это к чему, Сан Саныч?

– А к тому, – с неохотой ответил капитан. – Езжай на Курский вокзал. Как поезд придет, знаешь, сколько там таких гавриков отыщешь, по этим приметам.

– погоди, – остановил Федор разговарившегося Грека. – У тебя есть что-то получше? Может, ты хочешь предложить что-то более существенное? Тогда, давай, я с удовольствием выслушаю тебя.

Получше и тем более существенного у Грека ничего не было, в чем он тут же и признался майору.

– Тогда нам ничего другого не остается, как искать человека с именем Рустам, – сказал Федор, желая поскорее прекратить дискуссию.

– Пожалуй, ты прав, майор, – согласился Грек, уныло топая за Тумановым по лестнице вниз.

Глава 9

Третий день подряд Греку вместе с Ваняшиным приходилось вести наружное наблюдение за вдовой капитана Чикина. Утром кто-то из них обязательно провожал несчастную вдову от дома до поликлиники. Вечером все повторялось, только уже в обратном направлении.

Идея, установить за Аллой Чикиной наблюдение, принадлежала Федору Туманову, и очень не нравилась Греку. Сидя в белой «девятке» Лехи Ваняшина, Грек едва ли не брызгал слюной.

– Мы с тобой, Леша, как проклятые...

Заметив на себе удивленный взгляд лейтенанта Ваняшина, Грек и вовсе разошелся от такого непонимания:

– Вот скажи, где сейчас наш майор?

Ваняшин промолчал. Лично его мало беспокоило, где сейчас Федор Туманов. Зато Грек считал, что его капитанское самолюбие ущемлено.

– А, а, – протянул он. – Мы тут с тобой. Осуществляем слежку за этой шалавой, а майор наш разлюбезный сидит в кабинетке, бумажки перебирает. – Грек от обиды аж чуть не задохнулся. – А, между прочим, это он придумал, чтоб за ней следить. Моча ему в голову ударила. Баба и так пострадала, а он, видишь ли, чего-то в ней подозрительное углядел.

Ваняшин улыбнулся.

– Да не ворчи ты, Сан Саныч. Николаич знает, что делает. Если сказал, значит, надо за ней последить, – сказал Ваняшин, поддерживая майора Туманова, и этим задел Грека за живое.

Резко повернувшись к Ваняшину и слегка толкнув его, отчего машина вильнула, Грек проговорил:

– Леш, вот смотрю я на тебя и не пойму, что ты за человек.

Ваняшин с такой трактовкой был не согласен. Пожал плечами.

– Обыкновенный я человек, как все.

Грек покрутил головой.

– Э, нет. Ты вот считаешь, раз Туманов майор, стало быть, шибко умный? – проговорил Грек, не забывая поглядывать на тротуар, по которому в длинном черном плаще впереди шла Алла Чикина.

На высказанное Греком, Ваняшин решил не отвечать. Осуждать Туманова да еще за глаза, он не хотел. На такое был способен только Сан Саныч Грек. И Грек молчать не стал. Заговорил убежденно:

– Да ничего подобного. Вот я в тот раз, когда мы беседовали с Чикиной у нее дома, рта раскрыть не мог. Только раскрою рот, чтобы своим вопросом подцепить ее на крючок, наш Николаич на меня так взглянет, что у меня тут же из башки все дельное вылетает. А ведь я ему еще тогда сказал, чтобы он предоставил мне возможность с ней побеседовать наедине. Часок, не больше, и нам бы теперь не пришлось, как псам за ней гоняться. А Туманов не дал.

Леха Ваняшин улыбнулся. Ему нравилось, когда Грек сердился. Тогда он был более открыт. И чтобы угодить усатому капитану, Ваняшин решил ему подыграть, сказал:

– Наверное, наш майор побоялся, что ты уложишь ее в постель.

Грек засмеялся, принимая шутку, потому что и сам пошутить любил.

– А чего, она бабенция в форме. Я бы не отказался... – он вдруг не договорил, оборвав фразу на половине, заметив, что Алла Чикина подошла к черному «Фольксвагену» стоящему недалеко от перекрестка.

Сидевший за рулем «Фольксвагена» плотного телосложения мужчина, видно с нетерпением ждал ее. Стоило ей подойти, как он галантно распахнул перед ней дверь.

Наблюдая за Чикиной, Грек брезгливо выплюнул в окно окурок недокуренной сигареты. Улыбающееся лицо женщины ему не понравилось.

– У, у, стервоза. Перед нами сидела, как цыпочка, слезки вытирала. По мужу плакала, а этому фраеру улыбается как последняя проститутка, – с недовольством проворчал Грек.

– Может, это родственник ее? – Ваняшин не любил несправедливых и тем более преждевременных обвинений, на которые был скор Грек и решил заступиться за водителя «Фольксвагена». Но Грек махнул рукой, чтобы Ваняшин не молол чушь.

– Стала бы она родственнику зубы скалить. А знаешь что, друг Леха, надо рожу эту усатую нам с тобой запомнить. Чего ты на меня так уставился? Не меня запомнить, дубина, а того дядю из «Фольксвагена». А еще лучше проверить бы у него документики. Интересно, что он за птица такая? А? Как мыслишь? – обратился Грек к Ваняшину.

В этот момент Ваняшин заскучал. Какой смысл вести наблюдение, если нельзя прослушать, о чем они там, в «Фольксвагене» разговаривают. И на предложение Грека, отреагировал как бы с неохотой.

– Давай, – пожал он плечами, оставляя окончательное решение за капитаном. Все-таки, старший здесь не он, а Грек. Ему и решать.

Грек вздохнул. Вот послал бог напарничка.

Ждать им пришлось довольно долго, пока те в «Фольксвагене» наговорятся. Теперь уже и Грек стал скучать. Даже в дремоту клонило Сан Саныча, отчего его рот не закрывался от зевков. И вдруг он заметил, как дверь «Фольксвагена» открылась, и Алла Чикина, подбрав полу длинного плаща, вылезла и быстро пошла по тротуару.

– Лешка, внимание, – почему-то взволновавшись, проговорил Грек. Хотя по лицу Ваняшина и так было не трудно догадаться, что он весь во внимание к сидящему за рулем иномарки. – Леша, значит, сейчас едешь за ним. На перекрестке мы его перехватываем. Понял? – спросил Грек.

Ваняшин кивнул и завел мотор своей «девятки».

– Как скажешь, Сан Саныч.

До ближайшего перекрестка ехать им пришлось минут пять. На пересечении улицы Гагарина с Казарменным переулком, «Фольксваген» остановился на красный свет светофора. И тут же ему едва не въехала в зад белая «девятка» Ваняшина.

Грек первым выскочил из машины с криком:

– Леша, за мной. – Подскочив к «Фольксвагену», он рванул дверь.

Для человека сидящего за рулем иномарки это все показалось настолько неожиданным, что он от удивления раскрыл рот, таращась на подбежавшего Грека, за которым как огромный валун с горы, летел здоровенный амбал в джинсовом костюме.

– Спокойно, гражданин. Милиция, – предупредил Грек и попросил предъявить документы.

Сидящий за рулем «Фольксвагена» не проявил беспокойства. Хотя на подбежавшего здоровяка Ваняшина, поглядывал подозрительно. Особенно на его огромные кулаки.

– Пожалуйста, – сказал он. – Вот мои документы, – достал он из кармана пиджака удостоверение и раскрыл его перед носом Грека.

– Ух ты, – выдохнул Грек, рассматривая фотографию в погонах.

– Извините, – произнес обескураженный Грек. – Ошибочка вышла. Пойдем, Леха, – тихонько шепнул он Ваняшину, повернувшись. Но сидящий за рулем «Фольксвагена», окликнул его:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.